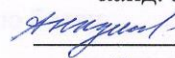


МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ДОПУЩЕНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ

Заведующий кафедрой
канд. ист. наук, доцент

 К.А. Анкушева
12.08. 2016 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ОТНОШЕНИЯ НОВГОРОДА И ПСКОВА С ЛИВОНИЕЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВЕКА

46.04.01 История

Магистерская программа «Отечественная история»

Выполнил работу
Студент 2 курса
очной формы обучения




Губин
Роман
Андреевич

Руководитель работы
д-р истор. наук, профессор



Пашин
Сергей
Станиславович

Рецензент
Доцент кафедры гуманитарных
и социальных наук Тюменского
индустриального университета,
канд. ист. наук, доцент



Суэтин
Алексей
Владимирович

Тюмень 2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ДОПУЩЕНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ
Заведующий кафедрой
канд. ист. наук, доцент
_____ К.А. Анкушева
_____ 2016 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
ОТНОШЕНИЯ НОВГОРОДА И ПСКОВА С ЛИВОНИЕЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВЕКА

46.04.01 История

Магистерская программа «Отечественная история»

Выполнил работу
Студент 2 курса
очной формы обучения

Губин
Роман
Андреевич

Руководитель работы
д-р истор. наук, профессор

Пашин
Сергей
Станиславович

Рецензент
Доцент кафедры гуманитарных
и социальных наук Тюменского
индустриального университета,
канд. ист. наук, доцент

Суэтин
Алексей
Владимирович

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКО-ЛИВОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1253–1262 ГОДАХ.....	25
1.1. Нападение ливонцев на Псков в 1253 году	29
1.2. Поход русского войска на Дерпт в 1262 году	33
ГЛАВА 2. РАКОВОРСКАЯ БИТВА.....	43
2.1. Рационалистический взгляд на Раковорскую битву	43
2.2. Раковорская битва глазами русских летописцев XIII–XVI веков.....	62
ГЛАВА 3. НАПАДЕНИЯ ЛИВОНЦЕВ НА ПСКОВ В 1268 И 1299 ГОДАХ	71
3.1. Нападение ливонцев на Псков в 1268 году и урегулирование конфликта ..	71
3.2. Нападение ливонцев на Псков в 1299 году	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	88
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	90
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	93

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Отношения Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. традиционно привлекали внимание исследователей с XVIII в. Тем не менее большинство трудов, в которых рассматривались изучаемые события, были написаны либо дореволюционными историками, работавшими в рамках позитивистской парадигмы, либо советскими историками, опиравшимися на марксистскую методологию. В обоих случаях историки в своих конкретных исторических реконструкциях отбирали только фактическую информацию, которая могла быть интерпретирована с точки зрения «здравого смысла».

Между тем обращение к источнику как к пассивному хранилищу информации полностью исключало изучение того типа информации, которую можно назвать оценочной – общие места, устойчивые выражения, прямые и косвенные цитаты. Понимание такой информации и авторской позиции в целом должно было убереечь исследователей от использования в исторических реконструкциях заведомо недостоверных сведений. Относимо это и к летописным сообщениям о русско-ливонских отношениях второй половины XIII в., в которых полностью игнорировались сведения мировоззренческого характера. С учетом и того, что исследователи нередко пренебрегали критическим анализом используемых источниковых сведений, остро встает вопрос о максимально правильном понимании и интерпретации информации источников.

В настоящем исследовании проведено изучение сведений об отношениях Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. путем подробного текстологического и герменевтического анализа практически всей дошедшей источниковой информации.

Объектом исследования являются отношения Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII века. Основное внимание уделено

изучению описания и восприятия хода новгородско-ливонских и псковско-ливонских отношений средневековыми книжниками. Таким образом, **предметом исследования** выступает репрезентация отношений Новгорода и Пскова с Ливонией в исторических источниках на протяжении изучаемого периода.

Определение понятий. В данном исследовании под отношениями Новгорода и Пскова с Ливонией главным образом понимаются вооруженные столкновения сторон. Это связано с тем, что основные источники по изучаемой теме – летописи и хроники – приводят сведения, связанные именно с внешней политикой указанных сторон. Торговые отношения, которые широко вел Великий Новгород, судя по источникам, касались не ливонских государств, а более дальних европейских городов (например, Любека).

В настоящем исследовании было принято решение использовать термин «ливонцы» по отношению к жителям нерусской части Прибалтики. Думается, употребление широко используемых предшествующими исследователями определений «немцы», «крестоносцы» является не совсем корректным, поскольку за такими терминами понимается довольно узкая группа немецких завоевателей, пришедших из Германии и Дании. Однако, достоверно известно, что большую часть «немцев» и «крестоносцев» составляют не выходцы из Германии и Дании, а местные прибалтийские племена ливов, латгалов, семигаллов, эстов и куршей. В этой связи под ливонцами в данной работе понимаются не только рыцари Ливонского ордена и все пилигримы из Германии и Дании, но также местные прибалтийские племена, выступающие на стороне Ордена и ливонских епископств.

В целях простоты и удобства в работе используется широко распространенное в научной литературе определение «Ливонский орден», хотя Ордена с таким официальным названием, конечно, не существовало. Под таким названием исследователи традиционно понимают Ливонское

ландмейстерство (отделение) Тевтонского (Немецкого) ордена, образованного в Ливонии после включения остатков Ордена меченосцев в состав Тевтонского в 1237 г.

Также в данном исследовании могут встречаться такие понятия, как Эстония, Северная Эстония и Датская Эстония. Если под первым понятием понимается ливонская область, населенная племенами эстов, то оставшиеся термины указывают на определенную ее часть, которая принадлежала датчанам по Стенбийскому договору 1238 г. (и включала в себя исторические области, например Виронию).

Хронологические рамки исследования касаются периода с 1253 по 1299 годы. Нижняя граница обусловлена первым нападением ливонцев на Псков после заключенного в 1242 г. мирного договора. Верхняя граница связана с очередным нападением ливонцев на Псков, после которого установился длительный мирный период.

Территориальные рамки исследования охватывают земли Новгорода, Пскова и Ливонии. Под Ливонией понимаются территория Ливонского ордена, Дерптского епископства и Датской Эстонии.

Цель исследования заключается в попытке воссоздания картины новгородско-ливонских и псковско-ливонских отношений второй половины XIII века путем реконструкции источниковых репрезентаций.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **исследовательских задач**:

- реконструировать ход и хронологию событий, произошедших между Новгородом, Псковом и ливонскими государствами во второй половине XIII века;
- выявить точку зрения средневековых книжников на описываемые ими события.

Теория и методология исследования. Занимаясь изучением русско-ливонских отношений, предшествовавшие исследователи работали, следуя установкам объективистско-позитивистской парадигмы. Они признавали

инвариантность исторического прошлого, однако в источниках это прошлое отражено неодинаково, а временами и противоречиво, что вынуждало подчас пренебрежительно относиться к известиям одних летописей и считать за правдивые сообщения других сводов. Подобный подход к изучению прошлого создает множество трудностей на пути к пониманию источника.

Однако последние исследования памятников древнерусской литературы показали, что летописные известия в большей степени отражают факты сознания книжников, нежели объективную историческую реальность¹. Дело в том, что русские средневековые авторы не столько пытались показать подлинную реальность, сколько стремились осмыслить историческую данность через призму идей Священного Писания.

Историк должен учитывать это, когда он сталкивается с необходимостью реконструировать из доступного исследованию текста стоящую за ним «внетекстовую» реальность. Исследователь определяет, где книжником представлена событийная действительность, а где – внесобытийная, связанная исключительно с текстовой культурой.

В связи с этим возникает необходимость применения ряда методов и подходов, способствующих максимально возможному истолкованию источника:

1. Историко-текстологический метод, важнейшими задачами которого являются выявление генеалогии летописных сводов, их источников и интерпретация их переработок.

2. Рационалистический подход, использующийся для создания научных исторических реконструкций. В связи с этим подход связан с анализом того условно выделяемого типа летописной информации, которую можно назвать фактической, т.е. отображающей реальные обстоятельства дела, события. К

¹ См.: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998; Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001; Он же. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004; Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009.

компетенции данного подхода относится поиск логических доводов для того, чтобы дать ответы на вопросы, имеющие значение в восстановлении исторической действительности в той степени, насколько это вообще возможно. При этом логические объяснения являются отнюдь не умозрительными, а исходят из внимательного анализа текста самих летописных сообщений.

3. Герменевтический подход, который позволяет понять смысл авторских добавлений в ряд летописных известий, не поддающихся рационалистическому объяснению (т.е. с точки зрения «здорового смысла»). Таким образом, герменевтический анализ касается того типа летописной информации, которая включает в себя общие места – «топосы», цитаты, «бродячие сюжеты» и т.д., иными словами, оценочные сведения об историческом событии.

Наряду с этим в работе использовались специальные исторические методы: сравнительно-исторический (сопоставление одновременных и разновременных явлений, а также их пространственно-временных характеристик) и историко-генетический (последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения).

Состояние научной разработки проблемы. Несмотря на то, что изучение отношений Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. имеет давние традиции, однако этим событиям вплоть до конца XX в. не было посвящено каких-либо отдельных исследований. Дореволюционная историография XVIII – нач. XX вв. рассматривала эти события в рамках общих курсов по истории России.

Первым из таких обобщающих трудов по отечественной истории является «История Российская» В.Н. Татищева. Его труду еще характерно летописное изложение событий. В таком виде представлены отношения Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. Имея компилятивный характер, работа В.Н. Татищева, в сущности, заключалась в

переписывании летописных сообщений из Никоновской летописи в свое произведение без добавлений каких-либо авторских размышлений².

Следующей работой, затрагивающей изучаемые события, является «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Несмотря на то, что историк использовал наиболее ранние памятники летописания – Новгородскую первую летопись старшего извода и Старшую Ливонскую Рифмованную хронику, а также осторожно относился к сведениям сводов второй половины XV–XVI вв., многие авторские положения не имели под собой никакой источниковой основы. В частности, при изучении русских походов к Раковору 1267–1268 гг. Н.М. Карамзин утверждал, что упоминаемые в летописи ливонские послы на самом деле были «лазутчиками Немецкого Ордена». Таким образом, сама договоренность, по которой Немецкая Ливония обязывалась не помогать своему северному соседу, Датской Эстонии, была изначально обманным ходом «Ливонского Рыцарства». Также обращает на себя внимание и то, что Н.М. Карамзин основным врагом русских воинов считал рыцарей Ливонского ордена, будто именно они являлись единственной силой из Ливонии, с которой все время сражались Новгород и Псков. Тем не менее, исходя из текста Ливонской Рифмованной хроники, такая оценка историка преувеличенна. Ливонские рыцари были элитной частью ливонского войска, но отнюдь не единственной его силой. В остальном работа автора ограничилась в точном приведении сведений вышеуказанных источников³.

С.М. Соловьев в своей фундаментальном произведении – «Истории России с древнейших времен» – также обращает внимание на русско-ливонские отношения второй половины XIII в. Используя Новгородскую первую летопись в качестве основного источника о рассматриваемых

² Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 5, 6. История Российская. М., 1996. С. 44, 46–47.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. СПб., 1819. С. 71, 87–88, 99–103, 160–161.

событиях, деятельность ученого ограничилась лишь довольно точным переводом источниковой информации⁴.

Н.И. Костомаров в своем исследовании «История Новгорода, Пскова и Вятки» посвятил русско-ливонским отношениям отдельную главу. Однако в этой исторической работе по непонятным причинам полностью отсутствуют сведения о Раковорской битве. С другой стороны, дореволюционный историк упоминает важный документ, который позволил наиболее полно проанализировать псковско-ливонский конфликт 1299 г.⁵

Нет сведений о русско-ливонских отношениях и в «Курсе русской истории» В.О. Ключевского. Проявляя первостепенный интерес к социально-экономической истории, автор не оставляет места даже наиболее видным внешнеполитическим событиям Новгородской вечевой республики⁶.

Большое значение отношениям Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. уделяет Е.В. Чешихин в «Истории Ливонии с древнейших времен». В отличие от своих предшественников Е.В. Чешихин для описания русско-ливонских отношений второй половины XIII в. использовал, помимо Ливонской Рифмованной хроники, Софийскую первую летопись. Следуя сложившейся историографической традиции, историк придерживался точности в пересказе всех источниковых сведений⁷.

В своих «Лекциях по русской истории» историк С.Ф. Платонов стремился описать социальную структуру и органы власти новгородского общества. В итоге это сказалось на том, что историк не уделил должного внимания событиям внешней политики Новгорода, таким образом,

⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2. Т. 3–4. История России с древнейших времен. М., 1988. С. 156–157, 162–163, 194.

⁵ Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 3. Т. 6, 7. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки). СПб., 1904. С. 183–217.

⁶ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987. С. 51–98.

⁷ Чешихин Е.В. История Ливонии с древнейших времен. Т. 2. Рига, 1885. С. 75–78, 79–82, 84–88, 130–131.

проигнорировав сведения о русско-ливонских столкновениях второй половины XIII в⁸.

Анализ дореволюционной историографии, таким образом, показывает, что отношения Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. приводились исследователями в общих курсах по истории России. Как правило, приведение подобных сведений в исследовательских работах, по сути, ограничивалось лишь довольно точным переводом источниковых сведений.

В советский период была проведена фундаментальная работа по созданию полной истории России, которая отразилась в многотомном издании под названием «Очерки истории СССР». Составители третьего тома, непосредственно касающегося русско-ливонских отношений XIII в., большое внимание придавали победам князя Александра Ярославича в Невской битве и Ледовом побоище. Указываются и менее значительная победа над ливонцами в 1253 г. и успешный поход на Юрьев в 1262 г. Однако по каким-то причинам составители «Очерков» почти полностью проигнорировали Раковорскую битву 1268 г., перескакивая с 1262 г. сразу к событиям 1269–1270 гг.⁹. По-видимому, это было связано со сложившейся традицией в советской историографии, рассматривавшей победы в 1240 и особенно 1242 гг. как «решающий удар, нанесенный крестоносцам русскими войсками», который «отозвался по всей Прибалтике, потрясая до основания и Ливонский и Прусский ордена»¹⁰. В связи с этим кровопролитная Раковорская битва, которая показала, что Ливония может дать достойный отпор, не вписывалась и противоречила выводам советской историографии.

Неудивительно, что один из авторов третьего тома «Очерков» В.Т. Пашуто в своем конкретном исследовании «Героическая борьба русского народа за независимость» по той же причине замалчивает о раковорских

⁸ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 93–105.

⁹ Очерки истории СССР. Т. 3. Ч. 1. Древняя Русь. Феодальная раздробленность (IX–XIII вв.). М., 1953. С. 838–853, 886–899.

¹⁰ Там же. С. 852.

событиях 1267–1268 гг. Он еще раз доказывал положение о том, что именно победа на Чудском озере стала решающей и чуть ли не окончательной над рыцарями Ливонского ордена. Неудачная атака Пскова ливонцами в 1253 г. и успешный поход русского войска на Юрьев в 1262 г. логично подтверждали тот перелом в русско-ливонском соперничестве, наступившем с 1242 г.¹¹. Позже автор написал отдельную статью, в которой рассматривал Ливонскую Рифмованную хронику с точки зрения ее информативности касательно крупных русско-ливонских столкновений. Среди последних значилась и Раковорская битва. В статье ученый пытается реконструировать ход Раковорской битвы путем сопоставления Новгородской первой летописи и Ливонской Рифмованной хроники¹².

Раковорские походы 1267–1268 гг. были рассмотрены английским историком Дж. Феннелом. В своем известном труде «Кризис средневековой Руси» автор проанализировал сведения Новгородской первой летописи¹³. По его мнению, «ближайшими целями новгородцев были балтийский порт Ревель и замок Раковор»¹⁴. Описывая ход тех событий, автор пришел к выводу о том, что оба похода к Раковору 1267 и 1268 гг. завершились неудачей. Даже огромное войско, собранное для второго похода к датской крепости, не смогло решить поставленную цель.

Среди новейших работ, посвященных отношениям Новгорода и Пскова с Ливонией в XIII в., можно выделить монографию петербургского исследователя Д.Г. Хрусталева. Привлекая большое количество источников, из которых особое значение автор придает Новгородской первой, Софийской первой, Воскресенской летописям и Ливонской Рифмованной хронике, исследователь пытался детально реконструировать ход русско-ливонских

¹¹ Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 226–240.

¹² Пашуто В.Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 102–108.

¹³ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 178–179.

¹⁴ Там же. С. 178.

отношений в XIII столетии, заканчивая их Раковорской битвой 1268 г. и мирным соглашением 1269 г. По его мнению, Раковорское сражение было одним из крупнейших русско-ливонских столкновений, которое стало рубежным этапом в развитии русско-ливонских отношений. На основании источниковых данных Д.Г. Хрусталева придерживался высказанной еще Н.М. Карамзиным точки зрения об изначальном коварном плане ливонской стороны. Представители Ордена и Дерптского епископства, дав заранее ложную клятву не помогать датчанам, провоцировали русское войско напасть на Датскую Эстонию. Замысел ливонцев состоял в том, чтобы собрать все силы в одном месте и дать достойный отпор русским агрессорам¹⁵. Оценивая эти события, исследователь приходит к выводу, что «те внешнеполитические цели, которые ставили перед собой новгородцы и великий князь перед началом Раковорского похода, достигнуты не были. В целом это была неудача: огромные потери и минимальные приобретения»¹⁶. И далее: «Можно сказать, что не удалась ни хитрая ловушка немцев, поклявшихся не помогать Северной Эстонии, ни грандиозное предприятие русских, рассчитывавших сокрушить любую силу на своем пути. В Ливонии увидели, что русских можно остановить битвой в открытом поле»¹⁷.

Источники. В настоящей работе использованы опубликованные нарративные источники. Они представлены русскими летописями и Старшей Ливонской Рифмованной хроникой. Для данного исследования привлекались следующие летописи: Новгородская первая старшего и младшего изводов, Троицкая, Суздальская (Московско-Академическая), Софийская первая старшего извода, Симеоновская, Тверская, Новгородская Карамзинская, Новгородская четвертая, Авраамки, Ермолинская, Типографская, Прилуцкая, Уваровская, Львовская, Холмогорская, Никаноровская, Вологодско-Пермская, Псковские первая, вторая, третья, Никоновская, Воскресенская,

¹⁵ Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. Т. 2. СПб., 2009. С. 125–172.

¹⁶ Там же. С. 171.

¹⁷ Там же. С. 172.

Новгородская по списку П.П. Дубровского, а также Владимирский и Пискаревский летописец, Московский летописный свод конца XV века, Степенная книга и Сокращенные своды 1493 и 1495 гг.

Из всего массива привлекаемых источников самыми важными являются Новгородская первая летопись старшего извода, Старшая Ливонская Рифмованная хроника и Повесть о Довмонте (в составе Псковских летописей). Именно эти источники сохранили самые ранние и наиболее подробные сведения о новгородско-ливонских и псковско-ливонских отношениях второй половины XIII в.

Ливонская Рифмованная хроника – стихотворное произведение, состоящее из 12017 строк. Она сохранилась в двух пергаменных рукописях: рижской, которая относится к середине XIV в., и гейдельбергской, выполненной в XV в. В рижской рукописи отсутствуют (вырваны) стихи 2561–3840, гейдельбергская же пропусков не имеет.

Автор хроники неизвестен, но все же есть основания полагать, что он был рыцарем Ливонского ордена. Л. Арбузов полагал, что он мог быть герольдом или посланником Ливонского ордена, который много ездил по стране. Учитывая детали и подробности, которыми изобилует текст хроники, начиная с конца 1270-х гг., можно сделать вывод, что ее автор прибыл в Ливонию на рубеже 70–80-х гг. XIII в., причем постоянно жил там и вращался при дворе ливонских магистров.

По своему жанру хроника относят к произведениям рыцарской героической поэзии. Такие произведения создавались, как правило, для коллективного чтения вслух в рыцарских замках, чтобы поддерживать моральный и боевой дух рыцарей.

Произведение возвеличивает заслуги Ливонского ордена, часто приписывая его братьям-рыцарям заслуги других участников завоевания Ливонии. Автор не скрывает своего явного пренебрежения к священникам, считая их трусливыми и неспособными к активным действиям.

Большую ценность представляют сведения хроники по истории русско-ливонских отношений 40–60-х гг. XIII в. Скорее всего, хронист при описании этих событий опирался на источник, происходивший из Дерптского епископства. Сравнение со сведениями других источников говорит о достаточной достоверности сообщений хрониста. Однако необходимо учитывать тенденциозность автора в оценках и интерпретации событий. С начала 70-х гг. XIII в. упоминания о русских исчезают со страниц хроники, что соответствует установлению относительного затишья на русско-ливонской границе, зафиксированного и в других источниках¹⁸.

Первостепенное значение для отношений Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. имеют новгородские летописи. Новгородское летописание XI–XIV вв. представлено двумя летописями: Новгородской первой летописью старшего извода и Новгородской первой летописью младшего извода.

Новгородская первая летопись старшего извода представлена одним пергаментным Синодальным списком сер. XIV в. Кроме основного названия у нее есть еще два: Новгородская Синодальная и Новгородская Харатейная. Погодное изложение событий охватывает период с 1016 по 1333 гг., после чего следует несколько приписок¹⁹. Сведения Новгородской первой летописи старшего извода об отношениях Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. представляют огромную ценность, т.к. они являются наиболее ранними и служат первоисточником для всех последующих сводов.

Новгородская первая летопись младшего извода представлена четырьмя списками: Комиссионным (XV в.), Академическим (XV в.),

¹⁸ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. С. 35–37.

¹⁹ Насонов А.Н. Предисловие // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 5–7; Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983. С. 22; Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2000. С. 7–8; Зиборов В.К. Русское летописание XI–XVIII веков. СПб., 2002. С. 68, 70.

Толстовским (сер. XVIII в.) и Воронцовским (20-е гг. XIX в.)²⁰. Изложение этой летописи доводится до событий 1440-х годов. Информация этой летописи практически идентична сведениям Новгородской первой летописи старшего извода.

Новгородское летописание конца XIV – 70-х гг. XV в. представлено Новгородской Карамзинской, Новгородской четвертой летописью (далее – Н4) и Софийской первой летописью старшего извода (далее – С1). В этот период в них видны изменения характера новгородского летописания. Если в предыдущий период в летописях уделялось внимание в основном событиям чисто новгородским, то теперь, в связи с претензиями Новгорода на большую самостоятельность и, в какой-то степени, на главенство среди русских земель, в новгородских летописях появляется много записей о событиях, происходивших в других русских княжествах.

Новгородская Карамзинская летопись, дошедшая до нас в списке конца XV – начала XVI вв., представляет собой две подборки летописных известий, в первой из которых описываются события от раздела земли сыновьями Ноя до 6919 г., а во второй – от 6496 до 6936 годов. В первой выборке содержится описание первого похода к Раковору под 6773 г., заимствованного из Новгородской первой летописи. Вторая выборка под 6776 г. включает в себя сокращенные сведения первого похода и второго походов к Раковору, также восходящих к Новгородской первой летописи.

Новгородская четвертая летопись известна в двух редакциях: старшая (с погодным изложением событий до 1437 г.) и младшая (с погодным изложением событий в основной части до 1447 г.). Тексты старшей и младшей редакций сходны до 1428 г. Н4 совпадает с С1 до 6926 (1418) г., что указывает на общий протограф этих двух летописей. С1 дошла до нас в большом количестве списков, все они делятся на две редакции: старшая (известия доведены до 1418 г.) и младшая (известия доведены до второй

²⁰ Насонов А.Н. Предисловие // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 5–7.

половины XV в.). Вступительная часть С1 имеет заголовок «Софийский временник», поэтому летопись первоначально была известна в науке под этим названием²¹. Раковорские события, помещенные в Н4 под 6776 г., являются точной компиляцией из обеих выборок НК. С1 в свою очередь заимствовала все сведения об отношениях Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. непосредственно из Новгородской первой летописи.

Отражением следующего этапа в развитии новгородского летописания считается составленная в Смоленске в 1494–1495 гг. летопись Авраамки. В последнее время высказано предположение, что она была написана в 1470-е гг., так как бумага начальной части рукописи, содержащей летопись, датируется 1460–1470-ми гг., а почерк самого Авраамки начинается только с 436 листа²². Сообщения о русско-ливонских отношениях второй половины XIII в. в летописи Авраамки сходны на всем протяжении с текстом Н4.

В 1539 г. в Новгороде при архиепископе Макарии был составлен летописный свод, основанный на Новгородской IV летописи (до статьи 6955 г.), но продолживший ее оригинальными известиями (статьи 6955–7047 гг.). Он дошел до нашего времени в составе сборника конца XVI – начала XVII вв. За летописью, находящейся в этом сборнике, утвердилось название Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского²³.

Важными памятниками по истории русско-ливонских отношений являются псковские летописи. Псков являлся близлежащим соседом Ливонского ордена и потому принимал непосредственное участие в

²¹ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 182–188, 367–368; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 72. Прим. 22; Муравьева Л.Л. Летописание... С. 26–27; Бобров А.Г. Новгородские летописи... С. 8, 167–217; Зиборов В.К. Русское летописание... С. 75.

²² Бобров А.Г. Новгородские летописи... С. 231. Прим. 38

²³ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 19–20; Бобров А.Г. Новгородские летописи... С. 10; Зиборов В.К. Русское летописание... С. 80; Новикова О.Л. Предисловие // ПСРЛ. Т. 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004. С. 3–6.

столкновениях с ливонскими рыцарями. Псковское летописание представлено несколькими летописями, условно названными первой, второй и третьей.

Важными представляются выводы, сделанные А.В. Валеровым при изучении списков псковских летописей. По его мнению, у всех псковских летописей был один общий протограф – псковский летописный свод 1352 г²⁴. Краткость сведений за XIII – первую половину XIV в., в том числе о русско-ливонских отношениях второй половины XIII в., в этих летописях историк объяснял задачами псковского летописания, в котором главную роль играло стремление «дать обзор истории именно Пскова, а общерусские события должны были служить как бы своеобразным фоном, что позволяло связать органически историю Псковской земли с жизнью других древнерусских земель»²⁵.

Уникальные сведения о псковско-ливонских отношениях (неоднократных нападениях ливонцев на Псков в 1268 и 1299 гг.) содержит Повесть о Довмонте, дошедшая до нашего времени в составе Псковских первой, второй и третьей летописей. Она представляет собой жизнеописание псковского князя литовского происхождения, «тридцатитрехлетнее правление которого было временем славных побед над Литвой и Ливонским орденом»²⁶. По мнению В.И. Охотниковой, время создания Повести относится ко второй четверти XIV в. В литературном отношении Повесть о Довмонте не является самостоятельным произведением: ее источниками служили Житие Александра Невского Особой редакции, Житие Владимира Святославича²⁷. В данном исследовании приводится текст Повести, взятый из Псковской третьей летописи.

²⁴ Валеров А.В. Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004. С. 62–88.

²⁵ Там же. С. 78.

²⁶ Охотникова В.И. Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. 1. СПб., 2007. С.351.

²⁷ Повесть о Довмонте // БЛДР. Т. 6. СПб., 1999. С. 54.

Среди памятников летописания Северо-Восточной Руси важное значение имеет Троицкая летопись. Она является списком так называемого Свода 1305 г., протографом которого некоторые исследователи считали гипотетический великокняжеский Свод 1281 г.²⁸. Ценность данного источника обосновывается тем, что он содержит одно из наиболее ранних известий о Раковорской битве в статье под 6776 г. Сведения о других событиях русско-ливонских отношений второй половины XIII в. в летописи отсутствуют.

Одним из этапов переработки гипотетического источника Троицкой летописи – Свода 1408 г. – являлась Симеоновская летопись – дошедший до нас в списке 40-х гг. XVI в. московский памятник конца XV века²⁹. Именно текст Симеоновской летописи стал источником для реконструкции статьи 6776 г. о Раковорской битве.

Связан с Троицкой летописью и Владимирский летописец – памятник летописания первой четверти XVI в. (изложение в нем доведено до 7031 года), хотя до нашего времени дошли только списки второй половины XVI века. Он представляет собой краткое извлечение из большого летописного свода, который по своим особенностям был близок как раз к Троицкой летописи, но осложнен добавлениями из сводов второй половины XV века. Еще одним источником Владимирского летописца была летопись типа Н4³⁰.

В начале XV в. в Ростове была составлена дошедшая до нас в Московско-Академическом списке конца XV в. Суздальская летопись (или Московско-Академическая летопись). Материалы этой летописи за 6746–6927 гг. считаются фрагментом сокращенного ростовского летописного свода³¹. В летописи приводится только одно летописное сообщение,

²⁸ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 192–195; Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 42; Муравьева Л.Л. Летописание... С. 22.

²⁹ Приселков М.Д. История... С. 168–179; Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 26–27; Муравьева Л.Л. Летописание... С. 23.

³⁰ Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 27–30; Муравьева Л.Л. Летописание... С. 27.

³¹ Шахматов А.А. Обзорение... С. 222–230; Муравьева Л.Л. Летописание... С. 27–28; Зиборов В.К. Русское летописание... С. 112–113.

касающееся русско-ливонских отношений второй половины XIII в. – о Раковорской битве под 6776 г. По всей видимости, оно было заимствовано из общерусского свода, близкого к Троицкой летописи.

Никаноровская летопись сохранилась в двух списках конца XVII в. По мнению А.А. Шахматова, поддержанному большинством исследователей, текст Никаноровской летописи является отражением гипотетического Московского свода 1472 г.³² Тем не менее сведения, описывающие отношения Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в., являются идентичными тексту Софийской первой летописи.

Вологодско-Пермская летопись, сохранившаяся в пяти списках второй половины XVI – начала XVII вв., близка к Никаноровской летописи на всем ее протяжении – до статьи 6980 года³³. Следовательно, известия этой летописи о новгородско-ливонских и псковско-ливонских отношениях второй половины XIII в. тождественны сообщениям Никаноровской летописи.

Памятником, отразившим один из важных этапов развития московского общерусского летописания, являлся доводивший изложение до 7000 г. Московский летописный свод конца XV века. Он сохранился в списке первой половины XVI в. Исследователи до сих пор спорят о некоторых источниках этого свода, однако главными из них в изложении событий XIII – начала XV вв. были, судя по всему, памятники, близкие к Троицкой и Софийской первой летописям³⁴. Это касается и летописных статей о русско-

³² Шахматов А.А. Обзорение... С. 346–360; Приселков М.Д. История... С. 231–258; Насонов А.Н. 3.188. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 249–255; Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 122–149.

³³ Шахматов А.А. Обзорение... С. 346–360; Приселков М.Д. История... С. 231–258; Тихомиров М.Н. Предисловие // ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959. С. 3–8; Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 122–149; Муравьева Л.Л. Летописание... С. 25.

³⁴ Шахматов А.А. Обзорение... С. 275–283; Приселков М.Д. История... С. 246–253; Муравьева Л.Л. Летописание... С. 25; Зиборов В.К. Русское летописание... С. 132–133.

ливонских отношениях второй половины XIII в., которые были заимствованы из Софийской первой летописи.

Во многом сходной со Сводом конца XV в. в изложении событий 1253–1299 гг. является созданная между 1542 и 1544 гг. Воскресенская летопись. Она считается официальной летописью первой половины XVI в., в основу которой был положен гипотетический Московский летописный свод 1508 г.³⁵. Летописный материал об отношениях Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. был, судя по всему, заимствован из источника, близкого к Московскому своду конца XV в.

Независимой от великокняжеского летописания можно назвать Ермолинскую летопись. А.Н. Насонов, вслед за А.А. Шахматовым, считал Ермолинскую летопись отражением Ростовского владыческого свода³⁶. Я.С. Лурье определил протограф Ермолинской летописи – Летописный свод 1472 г. – и связал его с Кирилло-Белозерским монастырем³⁷. Б.М. Клосс относил Ермолинскую летопись к памятнику, составленному при дворе великой княгини Марии Ярославны, «переехавшей после 1462 г. жить в Ростов». Так или иначе, но при описании русско-ливонских отношений второй половины XIII в. эта летопись отразила некий сокращенный источник, в основе своей близкий к Московскому своду конца XV в.

Дошедший до нашего времени в списке XVII в. Свод 1497 г. (Прилуцкая летопись) считается памятником официального летописания, отразившим гипотетический «Летописец от 72-х язык»³⁸. При изложении новгородско-ливонских и псковско-ливонских отношений второй половины XIII в. Прилуцкая летопись практически идентична Ермолинской летописи. В них встречаются лишь незначительные разночтения, связанные с ошибками того или другого книжника.

Сохранившийся в двух списках первой половины XVI в. Свод 1518 г.

³⁵ Муравьева Л.Л. Летописание... С. 25.

³⁶ Насонов А.Н. История русского летописания... С. 351.

³⁷ Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 168–209.

³⁸ Муравьева Л.Л. Летописание... С. 28.

(Уваровская летопись) близок по составу Прилуцкой летописи. Как и Прилуцкая летопись, при изложении событий от начала до 6925 г. он сходен с Ермолинской летописью³⁹. Таким образом, создатель Уваровской летописи, касаясь событий второй половины XIII в., очень точно передал текст Прилуцкой и Ермолинской летописей.

Еще одной сходной с названными сводами является Львовская летопись. Она близка по происхождению к Уваровской летописи, отражая тот же Свод 1518 г. Выходит, изучаемые в данной работе известия 1253–1299 гг. Львовской летописи практически идентичны содержащимся в Уваровской летописи.

Холмогорская летопись сохранилась в списке второй половины XVII в., но создана была, судя по всему, в середине XVI в., так как последняя дата, присутствующая в ней – 7064 г. С 6654 по 6898 гг. текст Холмогорской летописи во многом совпадает с содержащимся во Львовской летописи⁴⁰. Следовательно, при описании русско-ливонских отношений второй половины XIII в. создатель Холмогорской летописи руководствовался текстом, близким к тексту Львовской летописи.

Важным источником изучаемых событий является Никоновская летопись. Она была составлена в конце 20-х гг. XVI в. при митрополичьей кафедре под непосредственным руководством главы Русской церкви Даниила (1522–1539 гг.)⁴¹. Никоновский свод объединил все существовавшие до него летописные традиции и включил в себя сведения из памятников общерусского, московского, тверского, новгородского, ростовского, рязанского летописания⁴². Главными источниками известий за XIII–XIV вв. были Новгородская V, Симеоновская летописи, Московский летописный

³⁹ Сербина К.Н. Предисловие // ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 4–8; Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 139–141; Муравьева Л.Л. Летописание... С. 27–28.

⁴⁰ Лурье Я.С. Холмогорская летопись // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 135–149; Лурье Я.С., Сербина К.Н. Предисловие // ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 3–5.

⁴¹ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 88–95.

⁴² Муравьева Л.Л. Летописание... С. 30–31; Зиборов В.К. Русское летописание... С. 141–142.

свод конца XV в., один из видов Сокращенного свода конца XV в., основной источник Владимирского летописца, свод типа Ермолинской летописи, а, кроме того, Тверской свод, близкий Рогожскому летописцу⁴³. Что касается сведений о русско-ливонских отношениях второй половины XIII в., то книжник в данном случае использовал (и в то же время значительно переработал) текст Новгородской пятой летописи.

Другой группой источников, представленной в исследовании, является актовый материал: послания Ордена и Риги Любеку, договорные грамоты Новгорода и Любека, Новгорода и Риги⁴⁴. Они дают значительную информацию о международных отношениях Новгорода и Ливонии на протяжении изучаемого периода.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Во введении обосновываются актуальность темы и ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, указываются его хронологические и территориальные рамки, формулируются цель и задачи исследования, показан его методологический аппарат, характеризуется состояние научной разработки проблемы и ее источниковая база.

В первой главе анализируются сведения источников, сохранивших сообщения об отношениях Новгорода и Пскова с Ливонией в 1253–1262 гг. В начале главы приводится краткий обзор русско-ливонских отношений первой половины XIII в. Во второй главе исследуются фактические и оценочные источниковые данные о Раковорской битве. Третья глава посвящена изучению сведений о нападениях ливонцев на Псков в 1268 и 1299 гг., которые подводят итог новгородско-ливонским и псковско-ливонским отношениям в XIII столетии.

В заключении подводятся итоги исследования.

⁴³ Клосс Б.М. Никоновский свод... С. 134–181.

⁴⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 57–62; Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 280–287.

ГЛАВА 1. НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКО-ЛИВОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1253–1262 ГОДАХ

Отношения Новгорода с проживающими в Прибалтике эстами начались еще в конце X–XI вв⁴⁵. Суть этих отношений наглядно демонстрируют слова полоцкого князя Владимира епископу Альберту в 1212 г.: «Русские короли, покоряя оружием какой-либо народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег»⁴⁶.

Сложности возникли при появлении в этом регионе немецких миссионеров в конце XII–начале XIII вв. Начав с мирных проповедей немцы постепенно переходили к покорению ближайших территорий. Начало успешной экспансии обычно связывают с именем Альберта, ставшим новым икескольским⁴⁷ епископом в 1199 г⁴⁸. Начало его управления было ознаменовано основанием Риги в 1201 г., учреждением Ордена меченосцев (1202 г.), покорением ливов в 1206 г., присоединением русских княжеств Куkenойс (1208 г.) и Герцике (1209 г.)⁴⁹.

Непокоренной, но частично зависимой от Новгорода, оставалась Эстония – ливонская область, населенная эстами. Сюда с целью обращения эстов в данническую зависимость были направлены походы новгородского князя Мстислава Мстиславовича Удалого в 1210 и 1212 гг. Последний поход едва не спровоцировал первое столкновение новгородцев с ливонцами (немцами с союзными им латгалами и ливами). Он был вызван тем, что ливонцы вторглись слишком далеко в пределы Эстонии и дошли до Юрьева (Дерпта), т.е. территории, находившейся в даннической зависимости от

⁴⁵ НПЛ. С. 20, 22–23, 35, 36, 39–40, 125, 159.

⁴⁶ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. С.152.

⁴⁷ Икесколь – первая крепость немцев в Ливонии.

⁴⁸ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т.1. С. 39.

⁴⁹ Там же. С. 41– 42, 53–59.

Новгорода. Но 15-тысячная новгородская армия под руководством князя Мстислава не смогла найти отступивших ливонцев и, взяв дань с эстов в размере 700 марок ногат, вернулась обратно⁵⁰.

Дальнейшее покорение эстов немцами вызвало открытое противостояние с Новгородом и Псковом. В 1217 г. войско, состоявшее из ополчений Новгорода и Пскова и союзных им эстов, под руководством псковского князя Владимира Мстиславича осадило крепость Оденпе (рус. Медвежьё голову), в которой находились немцы и союзные им эсты. На помощь им пришел 3-тысячный ливонский отряд, возглавляемый магистром Ордена меченосцев Волквином. В сражении под Оденпе победу одержала 20-тысячная русско-эстонская армия⁵¹. Однако это победа лишь приостановила завоевание ливонцами Эстонии. Решающее значение имело взятие ливонцами штурмом Юрьева в августе 1224 г. Шедшее на помощь многочисленное войско новгородцев, узнав о падении Юрьева, вернулось обратно. Вскоре был заключен мирный договор, по которому Новгород и Псков фактически признавали власть ливонцев в Эстонии, оставив за собой право на взимание дани с северных латгалов Головы⁵². Для новгородцев это было сильным ударом: в течение столетий эсты находились в даннической зависимости от них, теперь этот источник дохода был утерян. Право на взимание дани у северных латгалов было у Пскова.

Попытка нового новгородского князя Ярослава Всеволодовича организовать поход на Ригу в 1228 г. успеха не имела. Псковичи отказались помогать войску Ярослава, более того они заключили союз с Ригой и впустили в город ливонские отряды. Их отказ заключался в том, что русские походы вглубь Ливонии неизменно заканчивалась горем для псковичей: ответные нападения ливонцев были всегда направлены на псковские земли. В итоге без поддержки псковичей и новгородцев князь был вынужден

⁵⁰ НПЛ. С. 52–53; Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 1. С. 76, 79–84.

⁵¹ НПЛ. С. 57; Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 1. С. 93–96.

⁵² НПЛ. С. 61; Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 1. С. 121–126.

отказаться от своей затеи⁵³. Только в 1234 г. князь Ярослав совершил удачный грабительский поход в пределы Дерптского епископства и заключил мирный договор с ливонцами «по своей правде»⁵⁴.

Одним из главных событий в истории Ливонии стало сокрушительное поражение Ордена меченосцев от литовцев 22 сентября 1236 г. в битве при Сауле. В этом сражении погиб магистр меченосцев Волквин и до полусотни рыцарей. Орден меченосцев прекратил свое существование. Согласно заключенному 7 июня 1238 г. соглашению в Стенби остатки Ордена меченосцев вошли в состав Тевтонского ордена. Важным пунктом соглашения было согласие Тевтонского ордена на передачу Северной Эстонии, а именно областей Ревеле, Гервен, Вирония и Гария с городом Ревель, Дании. Отныне датчане становились верным союзником и участником многих ливонских военных предприятий⁵⁵.

После этого последовали известные события 1240–1242 гг., закончившиеся Ледовым побоищем. Начало конфликту положили псковичи, которые в 1240 г. разоряли владения дерптского епископа. Призыв епископа о помощи нашел отклик у магистра Ордена, который собрал внушительное войско и вторгнулся в пределы Псковской земли. Ливонцы захватили Изборск, а спустя некоторое время в их руках находился и Псков, который псковичи сами сдали на милость победителю, не видев возможностей победить. Вскоре ливонцы ушли и оставили в Пскове двух рыцарей с небольшим отрядом в качестве фогтов⁵⁶.

Новгородцы не стали вмешиваться в этот конфликт и считали, что псковичи предали их. Ситуация стала выходить из-под контроля Новгорода в связи с известием НПЛ о том, что псковичи стали нападать на новгородские поселения. Более того, та же НПЛ указывает, что зимой 1240 г. ливонцы впервые совершили нападение на новгородские владения, а именно:

⁵³ НПЛ. С. 66; Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 1. С. 167–170.

⁵⁴ НПЛ. С. 72–73; Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 1. С. 186–189.

⁵⁵ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 1. С. 201–205.

⁵⁶ НПЛ. С. 77; Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 229–232.

разорили Водьскую землю и обложили ее данью, построили замок в Копорье, захватили Тесов и убивали купцов. Преследуя последних, они остановились в 30 верстах от Новгорода. Подобного никогда не случалось прежде. Затем ливонцы, среди которых были эсты и латгалы, совершили нападение вдоль реки Луга и увели много коней и скота⁵⁷.

В ответ в 1241 г. новгородцы позвали к себе князя Александра Ярославича, который быстро восстановил новгородское влияние в принадлежавших им землях. В 1242 г. молодой князь получил подкрепление из Владимиро-Суздальской Руси во главе с его братом князем Андреем Ярославичем. Этими силами Александр выгнал ливонцев из Пскова и вторгнулся во владения Дерптского епископства. Как полагает автор ЛРХ, целью этого нападения была месть за разорение Новгородской земли. Войско Александра занималось грабежом и разорением местных ливонских поселений. Стремясь помешать этому, ливонцы собрали войско, в которое входили местные эсты, небольшие силы ливонских рыцарей и воины Дерптского епископства. Сперва им удалось полностью разбить передовой отряд князя Александра Ярославича. Но в решающем сражении на Чудском озере русское войско одержало убедительную победу, убив 20 рыцарей и 6 взяв в плен. Согласно НПЛ, в Ледовом побоище пало 400 и было взято в плен 50 «немцев», а чуди погибло, т.е. эстов – «бещисла». После этого ливонцы заключили с Новгородом мирный договор, по которому ливонцы признавали неприкосновенность новгородских владений, возвращали Псков и, видимо, признавали право Пскова вновь взимать дань с северных латгалов⁵⁸.

Таким образом, традиционная политика Новгорода и Пскова по установлению данничества привела к потере влияния в Эстонии. Напротив, действия рижского епископа и Ордена, заключавшиеся в христианизации покоренных местных племен, позволили им за полстолетия покорить обширные области Прибалтики. В результате русско-ливонского конфликта

⁵⁷ НПЛ. С. 77–78.

⁵⁸ НПЛ. С. 78–79; Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 232–234.

1240–1242 гг. ливонцы смогли максимально продвинуть свои границы на Востоке: покорили Псков, впервые организовали нападения на новгородские владения. Только с помощью действий Александра Невского, который нанес ливонцам чувствительное поражение у Чудского озера, новгородцы смогли обезопасить свои земли и вернуть Псков, установив границы по реке Нарва.

1.1. Нападение ливонцев на Псков в 1253 году

После поражения ливонцев в известном Ледовом побоище новых столкновений между Новгородом, Псковом и Ливонией не было. Ситуация изменилась в 1253 г. в связи с нападением ливонцев на Псков.

Самые ранние сведения об этом событии сохранились только в Новгородской первой летописи старшего извода. Затем эта информация была заимствована последующими летописными сводами.

В Новгородской первой летописи старшего извода сохранилось следующее: «Того же лета придоша Немци подь Пльсковь и пожгоша посадъ, но самехъ много ихъ пльсковичи биша. И поидоша новгородци полкомъ к нимъ из Новагорода, и они побегоша проче. И пришедше новгородци в Новьгородъ, и покрутившеся идоша за Нарову, и створиша волость их пусту; и Корела такоже много зла створиша волости ихъ. Того же лета идоша съ пльсковичи воевать ихъ, и они противу ихъ поставиша полкъ, и победиша я пльсковичи силою креста честнаго: сами бо на себе почали оканьнии преступници правды; и прислаша въ Пльсковь и в Новьгородъ, хотяще мира на всеи воли новгородьской и на пльсковьской; и тако умиришася»⁵⁹.

Как видно из летописной статьи, ливонцы вторглись в псковские земли и подошли к Пскову. Их сил оказалось достаточно, чтобы разграбить и сжечь псковский посад, но при этом они сами потеряли немало людей. Узнав о случившемся нападении на Псков, новгородцы отправили военный отряд на помощь псковичам. Ливонцы, проведав об этом, предпочли отступить в свои

⁵⁹ НПЛ. С. 80.

земли. Вернувшийся в Новгород отряд не был удовлетворен таким результатом и совершил поход за р. Нарву, в земли датского короля, где разорил одну из областей. Вместе с новгородцами ливонскую область разоряли карелы. Это первое и единственное упоминание об участии карелов в разорительном походе на соседние области. Спустя некоторое время новгородцы вместе со псковичами совершили новый набег на пограничные ливонские земли. На этот раз новгородско-псковский отряд встретил на своем пути ливонские силы, которые в бою потерпели поражение от новгородцев и псковичей. После двух успешных набегов и поражения ливонского отряда ливонцы запросили мира, который был принят на условиях Новгорода и Пскова.

Новгородский книжник в летописной статье под 1253 г. особый упор делал на то, что ливонцы поступили вероломно, первыми нарушили мирный договор и за это должны понести справедливое наказание. В этом смысле ливонцы не зря потерпели неудачу при взятии Пскова. В книге Иова сказано: «Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд»⁶⁰. Летописец оправдывал успешные походы новгородцев и псковичей в ливонские земли, считая, что это справедливая кара для ливонцев за нарушение мира.

Отечественные исследователи стремились найти объяснения этому нападению на Псков. Е.В. Чешихин видел причину нападения ливонцев в невыгодной политической ситуации, сложившейся вокруг Новгорода и Пскова. Накануне нападения князь Александр Ярославич покинул Новгород, оставив в качестве наместника своего малолетнего сына Василия. Такое решение должно было ослабить военный потенциал Новгорода. То же относимо и к Пскову, который принял у себя князя лишь после описанных выше событий 1253 г. Другой немаловажный фактор – сговор между ливонцами и литовцами по поводу нападения первых на Псков, а других – на Новгород. На эту мысль исследователя наталкивало начало летописного

⁶⁰ Иов. 19:29.

сообщения того же 1253 г. о нападении литовского отряда на новгородские земли. Литовский отряд разорил пограничные новгородские владения, но не успел скрыться с награбленным и был разбит новгородским отрядом во главе с князем Василием Александровичем⁶¹.

Такая трактовка кажется вполне логичной и исходит из сообщений Новгородской первой летописи. Однако такое объяснение может казаться расплывчатым, что подтолкнуло современного исследователя Д.Г. Хрусталева к поиску конкретных лиц-«зачинщиков» данного ливонско-литовского нападения. Если со стороны литовцев им, очевидно, являлся литовский король Миндовг, который около 1251 г. был обращен в католичество, а летом 1253 г. принял королевскую корону⁶², то с ливонской стороны инициатором нападения, по его мнению, был Альберт Зуербеер⁶³. О непосредственной причастности Зуербеера к нападению 1253 г., в сущности, пишет Е.Л. Назарова. По ее мнению, Альберт Зуербеер являвшийся рижским епископом «в явочном порядке укреплял свои позиции в Виронии (области в Датской Эстонии) – плацдарме для наступления на северо-западные районы Новгородской Руси, пользуясь тем, что Дании было не до Эстонской провинции»⁶⁴. По логике исследователей выходит, что в основе нападения ливонцев на Псков в 1253 г. лежали агрессивные намерения епископа Альберта Зуербеера, «неоднократно пытавшегося склонить русских правителей к покорности Риму и давно вынашивавшего планы по развитию немецкой экспансии на Восток»⁶⁵.

Нет единогласных оценок исследователей относительно состава нападавших ливонцев. Практически все исследователи, видимо, рефлекторно видят в обобщенно названных летописцем «немцах» рыцарей Ливонского

⁶¹ Чешихин Е.В. История Ливонии. Т. 2. С. 76–77.

⁶² Хрусталев Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 45.

⁶³ Там же. С. 44.

⁶⁴ Назарова Е.Л. Крестовые походы за р. Нарву // Метаморфозы истории. Вена; Псков, 2002. С. 31.

⁶⁵ Хрусталев Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 44.

ордена⁶⁶. Некоторым исключением из этого круга историков выступают Е.В. Чешихин и Д.Г. Хрусталеv. Е.В. Чешихин полагал, что участие в нападении на Псков принимали также воины датского короля, поскольку ответное нападение новгородцев было совершено в земли Датской Эстонии⁶⁷. Вопреки устоявшемуся мнению предшествовавших исследователей, Д.Г. Хрусталеv в числе нападавших на Псков в 1253 г. видел вассалов дерптского епископа, воинов из подконтрольной Альберту Виронии (датчан) и ополченцев из числа эстов⁶⁸. В то же время основная сила ливонцев – тевтонские рыцари – не приняли участия в этом походе ввиду того, что были заняты войной в Жемайтии (литовской области). В этой связи вполне объяснимо поражение ливонцев – их армия была небольшой и плохо организованной⁶⁹.

Несмотря на столь интересные рассуждения исследователей, к сожалению, единственный источник о затрагиваемом событии – Новгородская первая летопись старшего извода – сохранил крайне обобщенное описание новгородско-псковско-ливонского противостояния 1253 г. В этой связи можно согласиться мнением Э. Хёша, согласно которому войну в Прибалтике XIII в. можно рассматривать как раздел сфер влияния. При этом все участники раздела (как с русской, так и с ливонской стороны) в значительной степени занимали прагматическую позицию, «когда имелось ввиду достижение регионально ограниченных целей. Этой позиции полностью соответствует и военная тактика того времени, заключавшаяся в попытках завоевать посредством численно ограниченного отряда стратегически важные объекты или измотать и ослабить противника посредством внезапных нападений, грабежей и разрушений»⁷⁰.

⁶⁶ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. С. 88; Назарова Е.Л. Крестовые походы за р. Нарву... С. 32; Пашуто В.Т. Героическая борьба... С. 232.

⁶⁷ Чешихин Е.В. История Ливонии. Т. 2. С. 77.

⁶⁸ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 44.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Хёш Э. Восточная политика Немецкого ордена в XIII веке // Князь Александр Невский и его эпоха: исследования и материалы. СПб., 1995. С. 69.

Таким образом, нападение ливонцев на Псков в 1253 г., в сущности, представляется разбойничьим набегом, нежели завоевательным, какими бы ни были официальные цели этого мероприятия. Состав ливонских сил вряд ли включал в себя силы Ордена, о которых, по-видимому, не задумываясь, писали предшествующие исследователи, и которые были заняты войной в других областях. Ближе к истине Д.Г. Хрусталеv – в состав ливонцев действительно могли входить отряды пограничного со Псковом Дерптского епископства, вассалы датского короля и ополченцы, набранные из проживавших здесь местных племен эстов. Отступление ливонцев при слухе о подходе новгородского отряда, который впоследствии совершил ответный разбойничий набег, говорит не только о малочисленности и плохой организации ливонцев, но и еще раз дает повод сказать об их фактических целях – ослабление своего конкурента-соседа путем его разорения и ограбления. Кажется вполне возможным существование некоторой ливонско-литовской договоренности и их согласованное нападение на Новгородскую и Псковскую республики. В качестве веской причины вполне логично вписывается отсутствие в Новгороде и Пскове опытных военных руководителей – князей. Результатом провальной военной акции Ливонии стали два успешных ответных грабительских похода: сначала новгородско-карельского, а затем псковско-новгородского, в течение которого были разбиты выступившие против них ливонские силы. Такой ход событий заставил ливонских руководителей просить нового мира у русских республик.

1.2. Поход русского войска на Дерпт в 1262 году

После заключенного мира между Новгородом и Псковом с Ливонией в 1253 г., судя по данным источников, новых столкновений больше не было. Ситуация изменилась в 1262 г. На этот раз мир был нарушен русской стороной и острие атаки было направлено на некогда русский город Юрьев, который теперь назывался Дерптом и являлся центром Дерптского

епископства – самого близкого ливонского государства по отношению к Псковской республике.

Самая ранняя информация о походе русского войска на Дерпт сохранилась в двух источниках: Новгородской первой летописи старшего извода и Старшей Ливонской Рифмованной хронике. Также стоит отметить первую редакцию Жития Александра Невского, которая сохранила уникальную информацию о походе на Юрьев в 1262 г. Последующие летописные своды и хроники практически без изменений передавали взятые из этих первоисточников данные.

Новгородский книжник об этом событии писал следующим образом: «Срубиша новгородци городъ новъ, а с Литвою миръ взяша. Того же лета, въ осенине, идоша новгородци съ княземъ Дмитриемъ Александровичемъ великимъ полкомъ подъ Юрьевъ; бяше тогда и Константинъ князь, зять Александровъ, и Ярославъ, брат Александровъ, съ своими мужи, и Полотъскый князь Товтивиль, с ним полочанъ и литвы 500, а новгородского полку бещисла, только богъ вестъ. И бяше град твердъ Юрьевъ, въ 3 стены, и множество людии в немъ всякихъ, и бяху пристроили себе брань на граде крепку; но честнаго креста сила и святой Софьи всегда низлагаетъ неправду имеющихъ: тако и сии град, ни во чтоже твердость та бысть, но помощю божию одинымъ приступлениемъ взять бысть, и люди многы града того овы побиша, а другы изымаша живы, а инии огнемъ пожжени, и жены ихъ и дети; и взяша товара бещисла и полона; а мужа добра застрелиша с города, и Петра убиша Мясниковича. И приде князь Дмитрий в Новъгородъ со всеми новгородци съ многымъ товаромъ»⁷¹.

Из летописной статьи можно понять, что в 1262 г. новгородцы заключили мирный договор с литовцами. Немного спустя, осенью того же года русское войско под руководством сына Александра Невского Дмитрия Александровича выступило на Дерпт. Летописные сведения позволяют заключить, что основой русского войска было новгородское ополчение.

⁷¹ НПЛ. С. 83.

Помимо них и дружины переяславского князя, участие в походе принял князь Константин, личность которого установить невозможно ввиду недостатка источниковой базы; князь Ярослав Ярославич – брат Александра Невского, а также полоцкий князь Товтивил, отряды которого включали в себя полочан и литовцев численностью в 500 человек. Участие последнего князя свидетельствует, что между Новгородом и Литвой был заключен не только мир, но и союзный договор, а также был намечен план совместного нападения на Ливонию. Летописец отмечает крепкость оборонительных сооружений Дерпта. Несмотря на это, русское войско захватило дерптский посад одним приступом, после чего принялось мародерствовать в захваченном посаде, брать уцелевших жителей города в плен и захватывать их имущество. По-видимому, часть жителей и защитников города укрылась в дерптском замке, который русское войско безуспешно пыталось захватить. Потеряв двух человек, войско под предводительством Дмитрия Александровича решило отступить обратно в Новгород вместе с большим количеством пленных и награбленной добычей.

Новгородский книжник удовлетворенно отмечал, что посад Дерпта был взят одним приступом «силой креста честного, которая всегда низлагает имеющих неправду». Таким образом, летописец считал ливонцев грешниками, которые отступились от своих слов и обещаний, нарушили мирный договор в 1253 г. и потому были достойны понести справедливое и неотвратимое наказание. В Библии сказано: «Нечестивые погибнут, и враги Господни, как тук агнцев, исчезнут, в дыме исчезнут»⁷². Об этом же пишет летописец: русские воины движимые Божьей волей беспощадно убивали одних жителей города, включая женщин и детей, и брали в плен других. Божественная поддержка русских воинов в этой карательной экспедиции видится в детали о взятии города одним приступом. Вероятно, летописец невольно отсылался к библейской книге Иисуса Навина, где были такие строки: «И всех царей сих и земли их Иисус взял одним разом, ибо Господь

⁷² Пс. 36:20.

Бог Израилев сражался за Израиля»⁷³. Таким образом, разорение Дерпта воспринималось летописцем как Суд Божий над ливонцами, которые вероломно нарушили мир в 1253 г.

Ценные сведения содержит Житие Александра Невского первой редакции: «Бе же тогда нужда велика от иноплеменникъ: и гоняхут христианъ, веляще с собою воинъствовати. Князь же великий Олександр поиде к цареви, дабы отмолити людии от беды тоя.

А сына своего Димитрия посла на Западные страны, и вся полькы своя с посла с нима; и ближних своих домочадець, рекши к ним: “Служите сынови моему, акы самому мне, всемъ животомъ своимъ”⁷⁴.

Действительно, как отмечают исследователи, в 1260-х гг. в Монгольской империи шла гражданская война⁷⁵. Поэтому мобилизация сил для гражданской войны могла касаться русских земель, которые входили в улус Джучи. Князь Александр Ярославич не хотел допустить такого и, таким образом, мог использовать сложившуюся ситуацию, чтобы отвлечь свои силы в поход на ливонские земли, согласно союзному договору с Литвой.

Важную ценность имеет Старшая Ливонская Рифмованная хроника, которая пишет об этом событии следующее: «Король Миндовг повелел по всей его земле христиан хватать и часть их убивать. Он также послов послал к королю в Русскую землю. Они вскоре назад возвратились и весть ему принесли, что русские были рады планам его таким. Вскоре и русских послов к королю Миндовгу прислали. Они обещали ему помощь большую, король против этого не возражал. Тогда начал Миндовг собираться в поход, так как злость у него накопилась против рыцарей Бога. И вот день выступленья настал, как с русскими Миндовг условился. Тогда отправился он поспешно с родичем своим Транятой. У них было войско очень большое, и хотели они жестокой войной всю землю божьих братьев в Леттии и в Ливонии разорить

⁷³ Ис. Н. 10:42.

⁷⁴ Житие Александра Невского. Первая редакция // Александр Невский и его эпоха. С. 195.

⁷⁵ Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 83.

и растоптать и народ их истребить. И вот бодро войско направилось на Дюну коротким путем, ведь русские туда должны были подойти. Но русские не пришли, я не знаю, что произошло. Когда Миндовг пришел к Вендену, он понял, что русские намеренно его на лед затащили. (Это следует так понимать, что они предоставили его войску самому в той стране грабить и жечь). И сказал Миндовг: Скажи мне, Трания, ты, злодей и настоящий лжец, как случилось, что русские меня обманули. Из-за русских стал я магистру недругом. Какой совет теперь мне дашь? Летты, ливы и эта страна, которую ты мне посулил, они не подчинились мне ничуть. Этот поход может мне трудности принести. Я сейчас же хочу прочь уйти, назад в мою землю вернуться и намерен поход прекратить. Построилось все его войско и назад в свою землю отправилось.

Случилось это в то время, когда Миндовг мир нарушил. Магистр был мудрым человеком, за дело он взялся решительно и поставил заслоны в стране. Все дороги и тропинки известные, от литовцев ведущие, занять он приказал. Как только все это исполнили, русское войско было замечено, внутрь страны к Дорпату идущее. Это Магистру стало известно. Он сразу послал туда братьев и других героев. Когда к Дорпату они подошли, русских силы большие у города встретили. Прежде, чем в бой войско вступило, русские многих успели в тот день несчастными сделать. Дорпат они захватили и тогда же город сожгли почти дотла. Рядом был замок: кто в него попал, тот спасся. Домкапитул и епископ во дворе замка собрались, немецкие братья также туда пришли, от них ведь помощи ждали. Русское войско было очень большим, епископа это весьма огорчило. Когда к подножью замка они подошли, попы испугались смерти очень, как это случалось и старые времена, и происходит почти повсеместно. Они призывают стойко стоять, а сами прочь удирают. Вот братья в бой вступили. На русских стрелы они обрушили. Других людей на помощь позвали, ведь в замке были и другие мужи, кто встал на его защиту. Домкапитул это обрадовало. Русские очень раздосадованы были, что их так сильно обстреливают. От замка они

отступили, были они походом довольны. Пленных и добычу они захватили и спешно вернулись в свою страну. Магистр разослал приказ по всем своим землям. Людей к нему без числа со многими храбрыми братьями пришло. Собирались они русское войско проучить, но желание это исполнить не удалось: русские были уже в своей стране»⁷⁶.

Большая и подробная информация хроники позволяет детальнее представить сложившуюся к 1262 г. историческую ситуацию. Король Миндовг отрекся от католичества и порвал союзные отношения с Орденом. Взамен он стал устанавливать дружеские отношения с Русью. Действительно, слова хроники подтверждают косвенные данные Новгородской летописи о заключении союзного договора между Литвой и Новгородом, а также о существовании плана совместного нападения на Ливонию. Стоит отметить, что союз был заключен не столько между государствами, сколько между правителями – литовским королем Миндовгом и русским «королем», под которым, очевидно, скрывался великий князь Владимирский Александр Ярославич.

Причина, побудившая Миндовга порвать с Орденом и объявить ему войну, заключалась в тяжелом положении последнего к 1262 г. Дело в том, что с осени 1258 г. Орден вел войну с конфедерацией литовских князей из Жемайтии – литовской области, которая не подчинялась Миндовгу и которую хотели захватить ливонцы. Однако 13 июля 1260 г. Орден потерпел сокрушительное поражение от жемайтов в битве при Дурбе. Для ливонцев это была военная катастрофа – в сражении погибло 150 рыцарей, ливонский магистр Бурхард фон Хорнхаузен и прусский маршал Генрих Ботель, а также много союзных ливов, латгалов и куршей. Последствия этой битвы были чувствительны: во многих завоеванных Орденом областях поднялись

⁷⁶ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 241–244.

восстания, подавление которых заняло немало времени. В этой связи Миндовг внял уговорам жемайтских князей и выступил против Ордена⁷⁷.

В конечном итоге образовавшийся русско-литовский союз резко изменил расстановку сил в прибалтийском регионе: Ливония (ливонские государства) оставалась одна против объединенных сил Литвы, союзного Литве Полоцка, Новгорода, Пскова и поддерживавшего последних великого князя Владимирского Александра Ярославича. Недаром хронист ужасался и писал, что их совместное выступление может означать чуть ли не полный разгром Ордена. К счастью для ливонского автора, планы союзников не сбылись: по неведомым причинам русское войско не воссоединилось с литовским у орденского замка Венден. Это разгневало литовского короля Миндовга. Он обвинял в этом Тройната, который, вероятно, являлся сторонником войны с ливонскими государствами (и Орденом – самой мощной силой среди ливонских фракций) и сближения с русскими. Не желая большей конфронтации с Орденом, Миндовг предпочел отступить в свои владения.

В свою очередь после разрыва мирных отношений Литвы с Орденом, магистр заподозрил неладное и приказал поставить дозорных на всех дорогах. Его тактический ход оказался верен: он смог заранее узнать о наступающем русском войске по направлению к Дерпту. Это быстро позволило магистру стянуть к центру Дерптского епископства все свободные на тот момент силы Ордена. Выходит, что силы ливонцев были представлены рыцарями Ордена и вассалами Дерптского епископства. Русских воинов было гораздо больше, чем ливонских, что не позволило ливонцам защитить дерптский посад. Как отмечалось еще в Новгородской летописи, русские отряды сломали сопротивление ливонских защитников, быстро разграбили и сожгли посад города. Уцелевшие жители и воины укрылись в дерптском замке, который смогли отбить от нападений русских сил. Магистр в это

⁷⁷ Гудаевичус Э. История Литвы. Т. 1. М., 2005. С. 29–32; Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 75–76.

время собирал войско, чтобы дать отпор русским агрессорам. Видимо, эта новость, учитывая невозможность быстро захватить дерптский замок, заставила русское войско отступить в свои земли вместе с многочисленными пленными и богатой добычей.

Основная проблема, затрагиваемая исследователями – это поиск объяснений, почему русские силы не соединились с литовцами у Вендена. Е.В. Чешихин полагал, что русское войско было замедлено сбором сил и не успело вовремя подойти к Вендену. Поэтому, узнав об отступлении литовцев, укомплектованное русское войско сменило объект нападения с орденового замка Венден на пограничный город Дерпт⁷⁸.

В свою очередь В.Т. Пашуто обвинял литовцев в преждевременном выступлении. Виновником такого действия он считал жемайтского князя Тройната, который специально выступил раньше, чтобы не допустить усиления влияния литовского короля Миндовга в случае его успешной кампании⁷⁹. Правда, это несколько не сходится с данными ливонской хроники: литовский король Миндовг упрекает Тройната в том, что доверился ему и разорвал мирные отношения с Орденом. Иными словами, Тройнат был проводником линии разрыва Литвы с Ливонией и сближения с русскими. Как жемайтский князь, он был заинтересован в полном разгроме Ордена, который до этого около десяти лет воевал в Жемайтии, пытаясь подчинить эту область. В этой связи обвинения В.Т. Пашуто в сторону Тройната кажутся беспочвенными.

По мнению Д.Г. Хрусталева, заключение союзного договора между Александром Ярославичем и Миндовгом следует относить к концу 1261 г., а сам поход к Вендену – к зиме 1261/1262 гг. Свое мнение ученые обосновывают тем, что летом 1262 г. литовское войско под руководством Тройната совершило поход в Польшу, что хорошо отмечалось Галицко-Волынской летописью и иностранными источниками. После этого Миндовг

⁷⁸ Чешихин Е.В. История Ливонии. Т. 2. С. 80.

⁷⁹ Пашуто В.Т. Героическая борьба... С. 233.

послал свою рать на Волынь против Василька Романовича. Поэтому поход литовцев на Орден, по мнению исследователей, никак не вписывался в эти события и произошел ранее⁸⁰. Причина, по которой русские не явились вовремя к Вендену, по их мнению, заключалась в тяжелой обстановке на Руси – антиордынские восстания в крупных русских городах в начале 1262 г. и, ввиду этого, невозможность в столь короткие сроки собрать большие силы⁸¹.

Все же нельзя не подчеркнуть хороший стратегический расчет Александра Ярославича. Даже с учетом невозможности для русского войска вовремя соединиться с литовским, великий князь убил двух «зайцев»: он отправил наличные войска в Ливонию и поехал в Орду, чтобы не допустить отправки русских контингентов на войну между монгольскими правителями; в то же время ради соблюдения союзных обязательств с Литвой он приказал атаковать ливонскую территорию, выбрав в качестве нового объекта нападения не сильно укрепленный орденский замок Венден, а пограничный торговый город Дерпт.

Можно согласиться с исследователями, которые считают, что выбор в качестве объекта нападения города Дерпт был связан с богатством его посада. Как справедливо писал Д.Г. Хрусталеv, Дерпт к 1262 г. – «это крупный торговый центр со смешанным населением, который не имел орденских укреплений»⁸². Не менее справедливыми будут его указания о целях русского похода – «максимальное ослабление немцев» путем разграбления и разорения одного из крупных ливонских городов⁸³.

Дж. Феннел рассматривал разорение Дерпта в 1262 г. как серьезное поражение рыцарей⁸⁴. Уместные выводы делал В.Т. Пашуто. На его взгляд, «победы русского оружия заставили немецких крестоносцев... отказаться от

⁸⁰ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 78–79, 82.

⁸¹ Там же. С. 78, 82.

⁸² Там же. С. 84.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. С. 155.

попыток овладеть Новгородом и Псковом... Вооруженной и дипломатической борьбой Русь на время упрочила свои рубежи с Орденом и Литвой»⁸⁵.

По мнению Д.Г. Хрусталева, поход 1262 г. ставил перед собой локальную цель. Это была одна из атак в ходе предстоящей большой кампании. По его мнению, она должна была представлять собой «действительно грандиозное русско-литовское вторжение в Прибалтику», которое «планировалось в последующие годы». Только смерть в 1263 г. двух правителей – Миндовга и Александра Ярославича, на которых держался союз, не дала осуществить эти планы⁸⁶.

В целом можно признать, что образовавшийся русско-литовский союз серьезно изменил расстановку сил в прибалтийском регионе. В случае если совместный план выступления новоиспеченных союзников был реализован, то ливонским государствам мог быть нанесен сильный удар, который бы сильно подорвал их влияние. Из-за невозможности совместного наступления с русской стороны, где главную роль играл великий князь Александр Ярославич, было принято правильное решение о смене объекта нападения: вместо Вендена им стал пограничный и богатый Дерпт. Момент был удачен и тем, что русские силы отвлекались от участия в гражданской войне в Монгольской империи. Таким образом, благодаря действиям Александра Невского русский поход к Дерпту был тройне удачен: владимиро-суздальские полки не стали участвовать в гражданской войне монголов и помогли русскому войску не только разграбить богатый ливонский город, но и ослабить одного из своих главных врагов.

⁸⁵ Пашуто В.Т. Героическая борьба... С. 234.

⁸⁶ Хрусталев Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 99–100.

ГЛАВА 2. РАКОВОРСКАЯ БИТВА

2.1. Рационалистический взгляд на Раковорскую битву

После успешного для русского войска похода на Дерпт в 1262 г. на русско-ливонской границе воцарилось спокойствие. Однако оно продлилось лишь до 1267 г. Вновь как и пять лет назад инициатором нового конфликта стала русская сторона в лице Новгорода. Правда, в этот раз объектом нападения стали не владения Дерптского епископства, а территория за рекой Нарва.

Эта ливонская область, называемая Виронией принадлежала датской короне. Она была населена племенами эстов, известных в русских летописях как чудь. Одним из центров датских владений был Раковор (нем. Везенберг, эст. Раквере) – крепость, построенная около 1252 г⁸⁷. Она находилась в Восточной Виронии и, следовательно, была пограничным центром на русско-ливонской границе. Именно сюда впоследствии последовали нападения русских сил.

Первоисточниками сведений о Раковорской битве являются Новгородская первая летопись старшего извода и Старшая Ливонская Рифмованная хроника. Они содержат обширные, обстоятельные описания исследуемого события. Также независимые сведения сохранились в Суздальской, Троицкой и Псковских летописях. Однако их ценность снижается из-за краткости описания изучаемого события.

Описывая Раковорскую битву, дореволюционная историография следовала позитивистскому подходу, ограничивалась лишь довольно точным переводом источниковых данных и их пересказом. При этом историки в своих работах приводили только фактические сведения и сознательно убирали летописные вкрапления, которые были взяты из Священного

⁸⁷ Чешихин Е.В. История Ливонии. Т. 2. С. 84.

Писания, считая их бесполезными для исторической реконструкции события⁸⁸.

Далеко идущие выводы о русско-ливонских отношениях XIII в. были сделаны в советское время. Центральным событием в русско-ливонских отношениях XIII в. стало известное Ледовое побоище 1242 г. В фундаментальном труде по истории СССР – «Очерках истории СССР» – битва с участием Александра Невского выделена в отдельный параграф под символическим названием «Решающие победы русского народа над шведскими и немецкими захватчиками»⁸⁹. В этом духе выдержаны оценки победы князя Александра над тевтонскими рыцарями: «Победа на Чудском озере – Ледовое побоище – имела огромное значение для всей Руси, для всего русского и связанных с ним народов, так как эта победа спасла их от немецкого рабства... Этой крупнейшей битвой раннего средневековья впервые в международной истории был положен предел немецкому грабительскому продвижению на восток, которое немецкие правители непрерывно осуществляли в течение нескольких столетий... Ледовое побоище сыграло решающую роль в борьбе литовского народа за независимость, оно отразилось и на положении других народов Прибалтики»⁹⁰. Таким образом, Ледовое побоище рассматривалось как «решающий удар, нанесенный крестоносцам русскими войсками, который отозвался по всей Прибалтике, потрясая до основания и Ливонский и Прусский ордена»⁹¹.

Что касается Раковорской битвы, то она больше расценивалась как борьба с вассалами датского короля. В Новгородской первой летописи старшего извода описание Невской битвы и Ледового побоища занимало в

⁸⁸ См.: Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 5, 6. История Российская. С. 46–47; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. С. 99–101; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2. Т. 3–4. История России с древнейших времен. С. 162–163; Чешихин Е.В. История Ливонии. Т. 2. С. 84–87.

⁸⁹ Очерки истории СССР. Т. 3. Ч. 1. С. 838.

⁹⁰ Там же. С. 851–852.

⁹¹ Там же. С. 852.

общей сложности три летописных листа, в то время как одной Раковорской битвы – целых пять летописных листов. Советская историография пошла другим путем: в «Очерках истории СССР» Ледовому побоищу посвящено девять страниц⁹², в то время как Раковорской битве – два абзаца на одной странице⁹³. Кажется, что советские историки специально недоговаривали об этом событии, поскольку оно могло разрушить их искусственно созданную концепцию о сокрушительном поражении Немецкого ордена в 1242 г. Если обратиться к тексту Раковорской битвы, то оценки Ледового побоища вызвали бы много возражений и замечаний.

В постсоветское время обоснованная критика сделанных советскими историками оценок Ледового побоища возвращала Раковорской битве ее законное место в русско-ливонских отношениях XIII в. Д.Г. Хрусталеv в своем исследовании подчеркивал, что сами новгородцы считали Раковорскую битву 1268 г. «кульминационным сражением за Прибалтику, за власть в регионе, за родовую честь и славу»⁹⁴. Поэтому и сам исследователь рассматривал это сражение в качестве «главного боя эпохи, крупнейшей баталии Северной Европы XIII, да и позднейших веков»⁹⁵.

Важное замечание касается хронологии изучаемого события. События о походах к Раковору в Новгородской первой летописи старшего извода помещены под 1268 летописным годом. Однако, как еще отмечали предшествующие исследователи, описание первого похода к Раковору относится не к началу 1268, а к осени 1267 г⁹⁶.

Фактические сведения в Новгородской первой летописи старшего извода представлены следующим образом: «В 1268 г. новгородцы со своим князем Юрием Андреевичем совершили поход за р. Нарву к Раковору. Ограбив местные земли, они попытались захватить крепость Раковор, но не

⁹² Очерки истории СССР. Т. 3. Ч. 1. С. 845–853.

⁹³ Там же. С. 897.

⁹⁴ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 1. С. 9.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 339.

смогли и, потеряв семь человек, отступили обратно. В том же году новгородцы с посадником Михаилом стали готовиться к новому походу. Для этого они призвали князя Дмитрия Александровича и великого князя Ярослава Ярославича. Последний вместо себя прислал военные отряды под командованием своих сыновей Святослава и Михаила. В архиепископском дворе подготавливались стенобитные орудия. Узнав об этом, в Новгород прибыли ливонские послы из Юрьева, Феллина, Риги и нескольких других городов. Послы поклялись (целовали крест) не помогать датчанам против новгородцев. Новгородцы отправили боярина Лазаря Моисеевича в Немецкую Ливонию. Там он приводил епископов и рыцарей ордена к клятве не помогать датчанам. В Ливонии остался новгородец Семен. И собрались в Новгороде все князья: князь Дмитрий Александрович, Святослав и Михаил Ярославичи, Константин, Юрий, Довмонт, Ярополк и несколько других князей. Выступили новгородцы 23 января (1268 г.). Они вошли в землю Датской Ливонии и принялись ее грабить. И тут наехали новгородцы на пещеру, в которой укрылись эсты. Три дня не могли новгородцы достать их оттуда. Тогда с помощью хитрости одного из осадных мастеров им удалось пустить в пещеру воду. Выбежавшие из нее эсты были перебиты, а их имущество новгородцы отдали князю Дмитрию Александровичу. И оттуда направились они к Раковору и, подойдя к р. Кеголе, увидели перед собой огромный ливонский полк, собранный из всей Ливонии. Новгородцы тотчас же стали переходить реку и готовиться к бою. На правом фланге расположились псковичи с князем Довмонтом, на крайнем правом – отряды Дмитрия и Святослава. Слева стояли силы князя Михаила. Новгородцы встали в центре против “железного полка”, построенного в свинью. И начался бой, который не видели ни отцы, ни деды. И погибло множество добрых людей, не только новгородцев, но также псковичей и ладожан. Среди новгородцев погиб посадник Михаил и еще 13 видных жителей города. Много людей пропало без вести – среди них был тысяцкий Кондрат и еще двое видных жителей Новгорода. А князь Юрий Андреевич бежал с поля боя.

(С Божьей помощью) Дмитрий и новгородцы стали преследовать ливонцев вплоть до крепости Раковор в субботу 18 февраля 1268 г. Повернувшись, новгородцы увидели другой построенный в свинью отряд, который ударил “в возники новгородские”. Бой не состоялся, поскольку наступала ночь. Утром оказалось, что ливонский отряд бежал той же ночью. Новгородцы стояли 3 дня “на костях”, и затем вернулись в Новгород, привезя с собой тела своих убитых мужей»⁹⁷.

Ливонская Старшая Рифмованная хроника содержит следующую фактическую информацию: «Сильное русское войско вступило в землю Датской Эстонии. Оно грабило и жгло. Численность своего войска русские оценивали в 30 тысяч человек. Навстречу русскому войску из Юрьева (Дерпта) выступил епископ Александр. К нему присоединилось 34 рыцаря из Феллина, Леаля и Вейсенштейна. Множество местных жителей, лояльных к рыцарям, имели желание сражаться с русскими. Их стали строить на левом фланге. Там им довелось сдержать наступление. Еще больше, чем немцев, было датчан. Они стояли на правом фланге. Затем с честью началась битва. Братья (рыцари) и мужи их во все стороны удары наносили. Затем случилось несчастье – погиб епископ Александр. Однако ливонцам удалось разбить и преследовать русских, двумя колоннами наступавших. Русские с войском своим отступали, но потом снова и снова возвращались. Были у русских большие потери, печальным был для них битвы исход: бегом и вскачь неслись они прочь. Князь Дмитрий с 5000 воинов предпринял новое наступление, когда остальные войска отступили. У моста через речку он атаковал полк братьев из 160 человек, к которым присоединились еще 80 мужей. Так братья и мужи их отбивались от наступавших, “чем многих русских огорчили”. Русские потеряли 5000 человек, остальные бежали с поля боя»⁹⁸.

⁹⁷ НПЛ. С. 85–87.

⁹⁸ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 247–250.

Собственно, детальный разбор летописной статьи можно начать с того, что новгородцы вместе со своим князем Юрием Андреевичем решили совершить поход на земли своих соседей. Вариантов для нападения было три – земли Литвы, Полоцка или Датской Эстонии (Виронии). Русский отряд выдвинулся из Новгорода по юго-западной дороге в сторону Пскова, откуда затем намеревался напасть на литовские земли. Казалось, что это был очередной набег, который преследовал цель грабежа и разорения вражеской территории. Но, когда новгородцы достигли села Дубровна – пограничного пункта между Новгородом и Псковом, среди новгородцев возникли разногласия по поводу правильности выбора объекта нападения. В итоге было принято решение напасть на датские владения в Прибалтике, на Раковор и, развернувшись, новгородцы отправились именно туда. Беспрепятственно грабя и разоряя территорию, на которой проживали лояльные датчанам эсты, новгородский отряд подошел к Раковору. Несмотря на то, что никакого открытого сопротивления на пути к датской крепости новгородцам оказано не было, их силы оказались недостаточными для взятия укрепленного замка. Потеряв во время приступа семь человек, новгородский отряд отступил обратно⁹⁹.

Можно сказать, что споры новгородцев в Дубровне имели важные последствия. Решение о нападении на датские земли, на Раковор свидетельствовало не только о смене объекта нападения, но и характера похода: вместо очередного грабительского набега в Литву, новгородцы предприняли поход в датские земли с целью захвата укрепленной крепости Раковор. В случае захвата этого замка новгородцы могли сильно укрепить свои позиции в Прибалтике, а также взимать дань с местных племен эстов. Неудачный приступ говорил о том, новгородцы не были подготовлены к осаде замка. Цель не соответствовала возможностям. Поэтому первый поход ограничился грабежом местных поселений эстов и закончился так, как и

⁹⁹ НПЛ. С. 85.

должен был, ибо изначально новгородские планы и военные силы были рассчитаны совершить еще один грабительский набег в Литву.

Спустя некоторое время новгородцы уже со своим посадником Михаилом решили организовать новый поход к Раковору¹⁰⁰. Упоминание посадника в качестве отдельного лица-инициатора нового похода могло говорить о том, что новгородцы были не очень довольны действиями своего князя Юрия Андреевича. Негативной оценки князь удостоивается и в дальнейшем повествовании: при описании расстановки русского войска перед Раковорской битвой умалчивается, где находились отряды князя Юрия; в то же время указывается, что во время боя среди всех русских князей бежал с поля боя именно Юрий Андреевич.

В рамках подготовки нового похода новгородцы призвали переяславского князя Дмитрия Александровича, а также великого князя Владимирского Ярослава Ярославича: последний вместо себя отправил своих сыновей Святослава и Михаила во главе военных отрядов. Во дворе новгородского архиепископа мастера готовили осадные машины¹⁰¹. Предпринятые новгородцами подготовительные меры явно свидетельствуют о том, что целью новгородцев являлось взятие Раковора и подчинение этой области своей власти. Момент был относительно удачен: в самом Датском королевстве шла борьба за трон и судьба датского заморского владения там мало кого волновала¹⁰²; союзник датчан, Ливонский орден, не мог всецело выступить против русских, так как основные силы рыцарей во главе с магистром воевали в другой ливонской области¹⁰³.

Военные приготовления в Новгороде не остались незамеченными в Ливонии. В Новгород прибыли ливонские послы из Риги, Феллина, Юрьева «и некоторых других городов»¹⁰⁴. Они предлагали заключить договор, смысл

¹⁰⁰ НПЛ. С. 85.

¹⁰¹ Там же. С. 85–86.

¹⁰² Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 128–131.

¹⁰³ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 248.

¹⁰⁴ НПЛ. С. 86.

которого состоял в том, новгородцы не будут нападать на владения Ордена и Дерптского епископства, а представители Ордена и Дерптского епископства не будут помогать своим единоверцам-датчанам в случае нападения на последних русского войска.

Такое соглашение действительно могло быть предложено. После разорения Дерпта русским войском в 1262 г. ни в Новгородской первой летописи, ни в Старшей Ливонской Рифмованной хронике нет информации о заключении мирного договора между Новгородом с одной стороны и Орденом и Дерптским епископством с другой. Можно думать, что вплоть до 1268 г. мирный договор между обеими сторонами так и не был подписан. Поэтому предложение ливонских послов новгородцам казалось очень выгодным на первый взгляд: ради заключения мира представители самых сильных ливонских государств занимали позицию невмешательства в назревавший новгородско-датский конфликт.

Правда, как еще отмечал Д.Г. Хрусталеv, отсутствие среди послов представителей датчан и щедрые обещания ливонских послов насторожили новгородцев¹⁰⁵. Поэтому они послали в Ливонию делегацию во главе с боярином Лазарем Моисеевичем, который приводил к клятве на кресте властителей Ливонского ордена и Дерптского епископства. По окончании деятельности новгородской делегации в Ливонии был оставлен новгородец Семен, который, по-видимому, остался там в качестве гаранта-заложника¹⁰⁶.

В эпизоде с прибытием ливонских послов летописец выделяет одну интересную деталь: он пишет, что они говорили с лестью («с лестью глаголюще»)¹⁰⁷. В современном понимании лесть – это в первую очередь угодливое, обычно неискреннее восхваление кого-либо с целью добиться его благосклонности, т.е. угодливость, раболепство. В древнерусском языке лесть имела несколько другое значение. Она понималась как обман,

¹⁰⁵ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 139.

¹⁰⁶ НПЛ. С. 86.

¹⁰⁷ Там же.

хитрость, коварство¹⁰⁸. Таким образом, летописец прямо указывал своим предполагаемым читателям, что договоренность, заключенная с ливонцами, являлась ложью и обманом.

Схожим образом думали некоторые отечественные исследователи. Н.М. Карамзин, комментируя этот момент, считал ливонских послов лазутчиками, шпионами, посланными Немецким орденом¹⁰⁹. Подобную оценку дает и Д.Г. Хрусталеv, изначально называя заверения послов и присягу ливонских руководителей обманом и военной хитростью: пока шла подготовка русского войска к походу, ливонцы «стягивали в Виронию войска, желая внезапно предстать во всей мощи перед ничего не подозревающими восточными интервентами»¹¹⁰.

Учитывая прямые слова летописца о том, что заключенное соглашение Новгорода с Орденом и Дерптским епископством было ложью и обманом, исследователи не ошибались. Данные русского и ливонского первоисточников дают прямые свидетельства того, что, когда русская рать, шедшая к Раковору, подошла к реке Койла (Пада), она увидела на другом берегу готовое к бою общеливонское войско¹¹¹. Такие данные говорят за себя: ливонцы знали о планах в Новгороде и заранее подготовились. Представители Ордена понимали серьезность планов Новгорода и не могли позволить ему укрепить свои позиции в этом регионе. К тому же датчане были постоянными союзниками Ордена, неоднократно принимая участие в орденских военных операциях. Столкновение было неизбежным, и, чтобы максимально ограничить поле действия русского войска, ливонцы пошли на заключение изначально обманного соглашения.

В конечном итоге участие во втором походе под главенством Дмитрия Александровича принимали шесть поименно названных князей, а также «и некоторые другие»: Святослав и Михаил Ярославичи, сыновья великого

¹⁰⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 215.

¹⁰⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. С. 100.

¹¹⁰ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 139.

¹¹¹ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 248.

князя Ярослава Ярославича; Константин, личность которого идентифицировать невозможно ввиду недостатка источниковых сведений, но под которым летописец мог подразумевать того самого князя Константина, участвовавшего в походе на Дерпт в 1262 г.; Юрий Андреевич, который на момент описываемых событий являлся новгородским князем; Ярополк, упоминавшийся в Новгородской летописи в первый и последний раз; и Довмонт Псковский¹¹².

Русское войско выступило 23 января 1268 г. Вступив на вражескую территорию, оно разделилось на три части («в 3 пути», т.е. двигалось по трем направлениям) и принялось заниматься грабежом и разорением местного населения – эстов¹¹³. Как резонно полагали исследователи, разделение русского войска имело под собой реальное основание – крупное войско, не ожидавшее какого-либо достойного сопротивления для максимального ограбления области вполне могло так поступить¹¹⁴.

С момента вступления русского войска в земли Виронии начинается повествование в Старшей Ливонской Рифмованной хронике. Сведения хроники еще раз подтверждают, что русское войско грабило и разоряло находящуюся на их пути к Раковору территорию. Ко всему прочему, здесь указывается уникальная информация о численности русских. По мнению хрониста, русское войско насчитывало 30 тысяч воинов. Хронист писал, что «они [русские – Р.Г.] сами оценили силу свою в целых тридцать тысяч человек». Если к этому добавить следующие слова хроники – «кто же их сосчитать мог? Кто их видел, тем так казалось». Это можно интерпретировать так: если эти слова не являются традиционным добавлением или выдумкой хрониста, необходимой, скажем, для рифмы, то автор ЛРХ получил данные о числе русского войска от непосредственных

¹¹² НПЛ. С. 86.

¹¹³ Там же. С. 87.

¹¹⁴ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 342; Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 146–148.

очевидцев этого события, а сами очевидцы, естественно, сами не зная точной цифры, использовали данные, услышанные от русских¹¹⁵.

Еще В.Т. Пашуто, первый советский исследователь обратившийся к вопросу о ценности Ливонской Рифмованной хроники для русской истории, отмечал условность этой цифры¹¹⁶. В.И. Матузова и Е.Л. Назарова подчеркивали, что источник такой цифры неизвестен, а эти данные не подтверждаются сведениями летописей¹¹⁷. Другой российский исследователь А.Р. Артемьев считал заявленную хронистом цифру завышенной, полагая, что «средневековое войско новгородцев не превышало 5–7 тысяч человек», а псковское войско обычно состояло из 1,5–3 тысяч воинов. В конечном итоге, учитывая объединенный состав русского войска, историк оценивал численность русского войска в 15 тысяч¹¹⁸. Наконец, Д.Г. Хрусталеv полагал, что «русские силы действительно были близки к трем десяткам тысяч». На это решение его подтолкнули летописные сведения о составе участников похода: «Судя по перечню князей, в походе участвовали чуть ли не все вооруженные силы Северо-Восточной Руси или значительная их часть. Полки были предоставлены Тверью, Переяславлем, Ростовом, Суздалем и, вероятно, великокняжеским Владимиром. Если каждый отряд условно оценивать в 3 тысячи воинов, то уже окажется 15 тысяч, а ведь еще были псковичи, новгородцы и неидентифицируемые “другие князья”»¹¹⁹.

С важными оговорками об условности и уникальности заявленной хронистом цифры, все же стоит признать количество русских участников в 30 тысяч возможным. Это представляется необходимым в первую очередь для того, чтобы иметь возможность сравнить и сопоставить эти данные с аналогичными уникальными сведениями о численности русского войска в

¹¹⁵ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 247.

¹¹⁶ Пашуто В.Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 105–106.

¹¹⁷ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 252.

¹¹⁸ Артемьев А.Р. Ледовое побоище и битвы XIV – начала XV в. на Северо-Западе Руси // Вопросы истории. 1999. №2. С. 151.

¹¹⁹ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 145–146.

других местах Старшей Ливонской хроники и хроники Генриха Латвийского. Например, в 1212 г. шедшее взимать дань с эстов новгородское войско во главе с князем Мстиславом Мстиславовичем, по словам Генриха Латвийского, насчитывало 15 тысяч человек¹²⁰. Согласно опять же словам Генриха Латвийского, в 1217 г. под Оденпе состоялось первое открытое столкновение между ливонцами и русским войском. Ливонское войско, состоявшее из ливонских рыцарей, воинов рижского епископа, ополчения ливов и латгалов и насчитывавшее 3 тысячи воинов, потерпело поражение от русского войска, в которое входили новгородцы, псковичи и эстонское ополчение и которое составляло около 20 тысяч человек¹²¹. Согласно Старшей Ливонской Рифмованной хронике, осадившее летом 1268 г. Псков ливонское войско включало в себя 18 тысяч человек. В его состав входили 180 ливонских рыцарей во главе с магистром, вассалы датского короля и ополчение ливов, латгалов и эстов¹²². Исходя из приведенных данных, можно заключить, что численность русского войска, собранного в 1268 г. была самой большой в истории русско-ливонских конфликтов XIII–XIV вв.

Во время движения по датской земле русское войско наткнулось на одну большую пещеру, в которой укрылись эсты со своим имуществом. Попытки русских воинов проникнуть туда были безрезультатны. Только спустя три дня один из осадных мастеров догадался «пустить воду» в пещеру. Выбегающие из затопленной пещеры эсты были перебиты, а их имущество новгородцы отдали князю Дмитрию Александровичу¹²³. Современные исследователи полагали, что в этом эпизоде летописец описал конкретный пример грабежа и разорения датской земли одним из трех отрядов, на которые разделилось русской войско¹²⁴.

¹²⁰ Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 1. С. 83–84.

¹²¹ Там же. С. 94–95.

¹²² Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 250.

¹²³ НПЛ. С. 86.

¹²⁴ Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 147.

Постепенно русское войско приближалось к Раковору. Подойдя к реке Кегола, в которой исследователи видят реку Койла¹²⁵, русские силы увидели на другом берегу готовое к бою ливонское войско. Летописец писал об этом следующим образом: «и яко быша на реце Кеголе, и ту усретоша стоящъ полкъ немецкый; и бе видети якои лесъ: бе бо съвокупилася вся земля Немецкая»¹²⁶. Уподобление ливонского войска лесу в Новгородской летописи приводится впервые и больше на страницах летописи не встречается. Использование такой метафоры прямо свидетельствовало о том, что ливонцы собрали действительно большое войско.

Слова летописца не врут: согласно Ливонской Рифмованной хронике, в состав ливонской армии вошли все незадействованные на тот момент силы Ливонского ордена, датского короля, Дерптского епископства и лояльных датчанам и немцам латгалов и эстов¹²⁷. Слово «незадействованные» в первую очередь обращено к Немецкому ордену: как утверждал хронист, основное орденское войско во главе с магистром воевало в другом месте¹²⁸. Ни хронист, ни летописец не дают примерных сведений о численности ливонских сил. Летописец, как уже говорилось, использовал метафоричное сравнение ливонского войска с лесом, чтобы образно показать, насколько большим оно было. Хронист писал, что участие в Раковорской битве приняло 34 рыцаря, которые пришли туда из Феллина, Леаля и Вейсенштейна. Еще в хронике указывалось, что участвующих в битве датчан было больше, чем немцев, т.е. больше, чем сил Ордена и Дерптского епископства вместе взятых; также «местных жителей было у братьев немало». Но в целом хронист отмечал: «Так что мало оказалось тех, кому с русскими пришлось сражаться. Это было очевидно»¹²⁹. Исследователи были согласны в том, что ливонское войско уступало русскому в численности, но эта разница была

¹²⁵ Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 148–151.

¹²⁶ НПЛ. С. 86.

¹²⁷ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 247–248.

¹²⁸ Там же. С. 248.

¹²⁹ Там же.

некритической. По мнению А.Н. Кирпичникова, ливонские силы насчитывали 18 тысяч воинов¹³⁰. Д.Г. Хрусталеv оценивал численность ливонцев в 18–20 тысяч¹³¹.

Русское войско, «нисколько не смутившись», переправилось через реку и стало готовиться к сражению. В Новгородской летописи описывается расстановка русских сил: на правом фланге находились псковичи со своим князем Довмонтом, на крайнем правом фланге – отряды Дмитрия и Святослава, на левом – отряды Михаила, новгородцы – в центре, против «железного полка», т.е. против рыцарей Немецкого ордена¹³².

В свою очередь в Ливонской хронике приводятся данные о расстановке ливонского войска: на правом фланге находились датчане; на левом фланге были поставлены пришедшие на помощь «местные жители», скорее всего, союзные Ордену эсты¹³³. О том, кто располагался в центре в хронике не упоминается, но, принимая в расчет данные НПЛ, становится ясно, что там находились силы Ордена и Дерптского епископства с епископом Александром.

О битве, которая произошла 18 февраля 1268 года «в субботу сыропустную», летописец пишет: «бысть страшно побоище, яко не видали ни отци, ни деди»¹³⁴. Столь выразительное описание сражения является уникальным в Новгородской летописи, даже несмотря на традиционный летописный прием использовать устойчивые выражения при описании схожих действий или событий. Это еще одно свидетельство того, что Раковорская битва, по мнению летописца, было уникальным по своему масштабу и кровопролитию сражением.

Кровопролитность битвы показывают и большие потери новгородцев. Новгородский книжник поименно называет 14 погибших видных жителей

¹³⁰ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 1. С. 301.

¹³¹ Там же. Т. 2. С. 157.

¹³² НПЛ. С. 86.

¹³³ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 248.

¹³⁴ НПЛ. С. 86.

Новгорода, включая посадника Михаила, не говоря уже о том, что погибло «иныхъ черныхъ людий бещисла». Из обычных погибших людей выделяются не только новгородцы, но также псковичи и ладожане. Никогда прежде в НПЛ при описании потерь не приводилось столько знатных фамилий. Впервые в летописи приводятся сведения и о пропавших без вести. К ним относятся тысяцкий Кондрат и еще двое видных жителей города, «а иныхъ много, богъ и вестъ». Являвшийся новгородским князем Юрий Андреевич бежал с поля битвы¹³⁵. Факт того, что новгородцы так и не смогли найти среди погибших своего тысяцкого и впервые признали его без вести пропавшим, еще раз подчеркивает масштаб произошедшего сражения.

Несмотря на большие потери русское войско победило: «Силою креста честнаго... пособи богъ князю Дмитрию и новгородцемъ...; и гониша ихъ [ливонцев – Р.Г.], бьюче, и до города, въ 3 пути, на семи верстъ, якоже не мочи ни коневи ступити трупиемъ»¹³⁶.

Тем не менее битва еще не закончилась, поскольку, преследуя разгромленных ливонцев в сторону Раковора, новгородцы увидели другой ливонский отряд, «свинью великую», который ударил по их обозу. Воины хотели атаковать и этот ливонский отряд, но их предостерегли: «Уже время к ночи, если сойдемся в бой, то сами себя перебить можем». Утром оказалось, что «окаянные крестопреступники» убежали еще той же ночью. Простояв три дня «на костях», т.е. на поле боя, русское войско вместе с телами погибших воинов возвратилось обратно в Новгород¹³⁷.

Успех русского войска в Раковорской битве в Ливонской хронике приписывается ливонской стороне. По словам ливонского хрониста, в самом начале битвы погиб дерптский епископ Александр¹³⁸. Как отмечал Д.Г. Хрусталева, гибель церковного иерарха во время сражения было очень

¹³⁵ НПЛ. С. 86.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. С. 87.

¹³⁸ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 248.

необычным событием¹³⁹. Однако ливонские рыцари смогли остановить и разгромить наступление двух русских частей, в которых В.Т. Пашуто видел новгородский и псковский полки¹⁴⁰. В данной части хроники, видимо, речь идет о битве центральных частей русской и ливонской армий, в ходе которой удар «великой свиньи» (отряда ливонских рыцарей, построенного в форму клина) опрокинул новгородский и псковский полки. Косвенным образом на разгром новгородцев и псковичей указывает и НПЛ: бегство князя Юрия Андреевича, который, будучи новгородским князем, вполне вероятно находился вместе с новгородцами в центре. После такого удара русские предпринимали попытки вернуться и дать бой, но терпели поражение и несли новые потери. Затем хронист писал, что после отступления части войск, видимо, тех двух русских частей – новгородцев и псковичей, князь Дмитрий с пятью тысячами воинов предпринял наступление и вступил в бой с отрядом ливонских рыцарей «у речки злой»¹⁴¹. Можно согласиться с мнением Д.Г. Хрусталева о том, что данная битва – это фланговый удар «низовских» отрядов князей Дмитрия и Святослава, не зря поставленных в НПЛ на крайний правый фланг русского войска, по центру ливонского войска – немецким рыцарям¹⁴². Вероятно, поставленные на ливонский левый фланг эсты, хоть первое время и сдерживали наступление отрядов Дмитрия и Святослава, но все же были разгромлены, и позволили отрядам из Владимиро-Суздальской земли нанести удар по орденскому полку, который, в свою очередь, разгромил и преследовал новгородцев и псковичей. К поражению эстов на левом фланге подталкивает чисто логическое объяснение: обычные жители терпевшие неоднократные поражения от новгородцев и псковичей, вряд ли долго могли противостоять более опытным и профессиональным воинам, пришедшим из Владимиро-Суздальской Руси. Правда, исход битвы рыцарей Немецкого ордена против

¹³⁹ Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 163.

¹⁴⁰ Пашуто В.Т. Рифмованная хроника... С. 106.

¹⁴¹ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 248–249.

¹⁴² Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 159–160.

сил Дмитрия и Святослава неясен: в хронике результат боя скрывается приведением информации о присоединении к немецким рыцарям отряда из 160 всадников и героическом сопротивлении, по-видимому, пешего отряда из 80 эстов «у моста»¹⁴³. Как отмечал Д.Г. Хрусталеv, последующая благодарность хрониста этим 80 эстонским мужам носит поминальный характер: автор ЛРХ восхищался стойкостью некоторых оставшихся на поле боя эстов¹⁴⁴. С другой стороны, очевидно, что описание боя 80 мужей с русскими отрядами было достойным, но локальным эпизодом. Хронист таким приемом не дал ясного ответа на то, чем точно закончилось более крупное столкновение полков Дмитрия и Святослава с орденским полком, предпочел закончить описание всей Раковорской битвы локальной сценой о мужественном сопротивлении эстов. Дальнейшие слова хрониста о гибели пяти тысяч русских воинов на поле боя, победном возвращении рыцарей и спешном отступлении русского войска не подтверждаются данными летописей и были, возможно, приукрашены.

Д.Г. Хрусталеv сомневался в точности сведений о том, что «пять тысяч русских остались лежать на том поле битвы». Во-первых, ввиду точного указания НПЛ о том, что русское войско осталось на поле боя и собирало тела павших воинов. Если поле боя осталось за русскими силами, как ливонский автор мог подсчитать количество погибших? Во-вторых, эта строчка о пятитысячных потерях очень схожа со строчкой о наступлении пятитысячного отряда Дмитрия Александровича. Вполне возможно, в данном случае хронист использовал еще один литературный оборот, «вызванный желанием закрепить внутреннюю рифму». Однако это не отвергает того факта, что потери в Раковорской битве были необычно большими¹⁴⁵.

Указание о спешном отступлении русских отрядов не соответствовало действительности. Данные НПЛ прямо говорили о том, что русское войско

¹⁴³ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 249.

¹⁴⁴ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 162–163.

¹⁴⁵ Там же. С. 163–164.

оставалось на поле боя в течение трех дней¹⁴⁶. Факт того, что новгородцы собирали тела павших воинов, многие из которых они так и не нашли, а затем привезли их в Новгород, трудно оспорим и говорит в пользу правдивости слов новгородского летописца. Таким образом, победу в Раковорской битве одержало все-таки русское войско. Однако этот результат можно сравнивать с «Пирровой» победой: потери были столь большие, что были очевидны и самим ливонским рыцарям. Наряду с этим в хронике не дается описания потерь ливонских рыцарей: должно быть, они были минимальны. Потери других частей ливонского войска были вне поля зрения хрониста. В хронике нет ни слова о том, что происходило на правом фланге ливонцев, где находились датчане. Можно полностью согласиться с Д.Г. Хрусталевым и В.В. Акуновым, мнение которых заключалось в том, что русское войско одержало тактическую победу, т.е. на поле боя, но проиграло в стратегическом плане¹⁴⁷. Русское войско больше не помышляло об осаде Раковора, что было изначальной целью, о которой было известно в Ливонии. Выходит, результаты сражения исключительно для ливонских рыцарей выглядели действительно неплохими. В конце концов, впервые за долгое время ливонским рыцарям удалось остановить и нанести тяжелые потери русскому войску в открытом бою, разрушив поставленные новгородцами планы по захвату датских владений.

Начиная с дореволюционной историографии, вопрос о победе в Раковорской битве традиционно решался в пользу русского войска. Главным аргументом считались прямые и непротиворечивые сведения Новгородской первой летописи. В советское время В.Т. Пашуто также отдавал победу в Раковорской битве русскому войску, справедливо считая, что хронист утаил окончательный исход битвы – «поспешное отступление с поля боя основных сил рыцарей, а затем и отряда, ударившего по новгородскому обозу»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ НПЛ. С. 87.

¹⁴⁷ Акунов В.В. История Тевтонского ордена. М., 2012. С. 110; Хрусталев Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 171–172.

¹⁴⁸ Пашуто В.Т. Рифмованная хроника... С. 107.

Несмотря на доверие большинства исследователей к сведениям Новгородской первой летописи, другие независимые русские источники – Суздальская, Троицкая и Псковские летописи также писали о победе русского войска¹⁴⁹. В Суздальской и Троицкой летописях факт победы в Раковорской битве указывался с оговоркой, что ливонцы «тут [в Раковорской битве – Р.Г.] убили много множество новгородцев»¹⁵⁰. Поэтому сообщение Ливонской Рифмованной хроники кажется очень спорным. Ясному и непротиворечивому описанию Раковорской битвы в русских летописях можно противопоставить избирательную манеру ливонского хрониста. Вместо четкого указания на общий результат сражения в Ливонской хронике отмечается, в сущности говоря, только победа построенных «свиньей» ливонских рыцарей над новгородским полком в центре; итог столкновения рыцарей с отрядами Дмитрия и Святослава утаивается на фоне героической, но небольшой схватки эстов с русскими. Неудивительно, что местами запутанное описание Раковорской битвы в ЛРХ сподвигло автора следующей по времени создания хроники Германа Вартберга видеть в Раковорской битве не одно, а два сражения: у Магольмской церкви, где пал епископ Александр и еще два орденских рыцаря, и у той самой «речки злой», где Дмитрий потерял 5000 русских воинов и отступил с поля битвы¹⁵¹. Правда, можно полагать, что Вартберг имел источник плохого качества: уникальная цифра о двух погибших орденских рыцарях – это неправильное прочтение строки ЛРХ о разгроме орденскими рыцарями двух частей русских.

Таким образом, Раковорскую битву можно рассматривать как самое крупное сражение в истории русско-ливонских столкновений XIII–XIV вв. Она оказала большое значение на внешнюю политику Новгорода – после случившейся битвы вечевая республика отстранилась от нападений на

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Л., 1928. Ст. 525; Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 329; Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 13; Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 22, 84.

¹⁵⁰ Троицкая летопись. С. 329.

¹⁵¹ Хроника Германа Вартберга // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879. С. 95.

ливонские земли, заняв исключительно оборонительную позицию. Видимо, память о кровопролитной битве надолго запомнилась Новгороду. С этого момента место активного воителя вместо Новгорода прочно занимает Псков.

2.2. Раковорская битва глазами русских летописцев XIII–XVI веков

Комментируя Раковорскую битву, все предшествующие исследователи работали в рамках позитивистского и рационалистического подходов. Главным с этой точки зрения было воссоздать историческую реальность прошлого. Причем этот процесс реконструкции сводился к максимально точному изложению фактических данных, не противоречащих здравому смыслу. Ввиду этого исследователи убирали всю повторяющуюся информацию, которая занимала немалую часть в летописном сообщении о Раковорской битве. Герменевтический подход применительно к текстам НПЛ и ЛРХ позволяет рассмотреть Раковорскую битву с позиции самих авторов и увидеть те смыслообразующие детали, которые ускользают при буквальном понимании текста.

Традиционно важный вопрос, ставившийся исследователями, заключался в датировке описываемых событий. Изложение двух походов и битвы у Раковора было помещено под 1268 г. Все исследователи вслед за А. Энгельманом и Н.Г. Бережковым признавали тот факт, что первый поход к Раковору был совершен еще осенью 1267 г¹⁵². Проблема состояла в том, что описание похода ливонцев на Псков, который новгородский летописец поместил под 1269 летописным годом, не соответствовало действительности. По справедливым замечаниям А.Л. Хорошкевич и Д.Г. Хрусталева, ливонский поход к Пскову на самом деле относится не к 1269, а к 1268 году, т.е. к тому году, под которым помещено описание двух походов к Раковору и

¹⁵² Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 272–273; Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб., 1858. С. 20–21.

Раковорской битвы¹⁵³. И кажется, что дело здесь не в используемых новгородским книжником мартовском или ультрамартовском стилях леточисления, в которых исследователи находили причину неправильных датировок событий. Думается, столь свободное пренебрежение хронологически последовательным изложением событий, распределением событий по годам, может быть объяснимо, если рассматривать летописный текст о Раковорской битве не как сухое изложение фактов, а как литературный текст, как еще один летописный рассказ, которыми изобилует Новгородская летопись.

Такая трактовка легко объясняет, почему летописец собрал все имеющиеся данные о событиях связанных с Раковором в одно летописное сообщение. Как литературное произведение, которым является текст о Раковорской битве, летописный рассказ представляет собой единое, целостное и последовательное повествование, имеющее свою логическую структуру, начало и конец. Но самым важным представляется наличие изначального замысла. Замысел являлся тем фактором, который определил написание летописного рассказа и помещение его в одну годовую статью с целью его ясного понимания предполагаемыми читателями.

Постижение заложенного самим летописцем смысла будет не полным без понимания отдельных, незаметных для непросвещенного читателя деталей. Эти мелкие детали летописного рассказа включают в себя не только прямые, косвенные цитаты и устойчивые выражения, но также литературные приемы, что является важной особенностью литературного текста.

Первой такой деталью является льстивая речь ливонских послов, пришедших в Новгород¹⁵⁴. Как уже говорилось, летописец тем самым показывал, что ливонцы пришли изначально с обманными, коварными намерениями. Скорее всего, книжник и читатели, хорошо зная Священное

¹⁵³ Хорошкевич А.Л. Из истории русско-немецких отношений XIII в. // Исторические записки. Т. 78. М., 1965. С. 230; Хрусталев Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 135–136.

¹⁵⁴ НПЛ. С. 86.

Писание, могли знать, что может ожидать тех людей, чьим атрибутом являлось коварство. В Левите написано: «Не крадите, не лгите и не обманывайте друг друга. Не клянитесь именем Моим во лжи»¹⁵⁵. О лживых людях сказано в книге притч Соломоновых: «Кто говорит ложь, не спасется... кто говорит ложь, погибнет»¹⁵⁶. В пятом псалме есть следующие строки Богу: «Ты погубишь говорящих ложь... Ибо нет в устах их истины: сердце их – пагуба, гортань их – открытый гроб, языком своим льстят. Осуди их, Боже, да падут они от замыслов своих; по множеству нечестия их, отвергни их, ибо они возмутились против Тебя»¹⁵⁷.

Таким образом, ложь и коварство уже сами по себе являлись грехом, справедливой расплатой за которые была смерть. Летописец иносказательно уже говорил предполагаемым читателям о будущей участи ливонцев.

Что могло еще больше усугубить эту ситуацию? Как оказалось, есть еще одна очень важная деталь. Новгородский летописец постоянно дополняет все действия ливонцев целованием креста. Ливонские послы предложив свой договор целовали крест; ливонские руководители целовали крест, подтверждая силу договоренности; они взяли к себе новгородца Семена, целовав крест¹⁵⁸.

Повторение одного и того же выражения становится особенно очевидным в Софийской первой летописи старшего извода. В предложениях о приведении ливонских властителей к клятве на кресте и оставлении у них Семена книжник дважды дословно приводит выражение «яко не помагати имъ колыванцемъ, ни раковорцемъ»¹⁵⁹. Дословное повторение этой детали в действиях ливонцев определенно должно было еще больше акцентировать внимание читателей о коварном поведении ливонцев и их ожидаемой участи.

¹⁵⁵ Л. 19: 11–12.

¹⁵⁶ Притч. 19: 5, 9.

¹⁵⁷ Пс. 5: 7, 10–11.

¹⁵⁸ НПЛ. С. 86.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 344.

Для большей наглядности летописец написал, в чем проявляется сила креста: «Мы же, ту страсть видя, не каемся за грехи свои, но лучше злом, брат брата хочет убрать завистью и друг друга, крест целуя и также преступая, и не ведая, какая есть крестная сила: крестом побеждены бывают силы бесовские, крест князьям помогает в битвах, верные люди, которые крестом защищены, побеждают врагов своих; те же, кто крест преступает, то и здесь казнь принимает, и на том свете муку вечную»¹⁶⁰. Цитата о силе креста являлась отнюдь не уникальной. Она была заимствована из летописной статьи 1068 г., из «Поучения о казнях Божьих»¹⁶¹. Можно обратить внимание и на совпадение в датах: разница в случившихся событиях составляла ровно двести лет (6576 и 6776 летописные года соответственно). Скорее всего, летописец видел схожесть произошедших событий. Разница в двести лет должна была еще больше подчеркнуть эту близость, показать повторяемость одних и тех же событий.

Сила креста показана не зря: в конце концов, получив прощение, русское войско одержало победу над ливонцами с помощью креста честного; успевших убежать ливонцев летописец назвал «окаянными крестопреступниками», еще раз напомнив об их ложной клятве на кресте¹⁶².

Другое обстоятельство заключается в том, что, показывая тяжелые грехи ливонцев, летописец как бы говорил, что русское войско должно одержать легкую победу, т.к. ливонцы должны были прогневить Бога своими поступками. Казалось, ливонцы, как и прежде, не имели никаких шансов победить русские силы.

Но во время Раковорской битвы случилось непредвиденное – гибель многих русских людей, в чем летописец увидел сразу проявление Божьего гнева, причиной которой является их греховность.

¹⁶⁰ НПЛ. С. 87.

¹⁶¹ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. 1997. С. 297.

¹⁶² НПЛ. С. 87.

Ливонцы в таком случае от врагов Бога временно становятся его карающим мечем, ибо прямо в «Поучении о казнях Божьих» сказано: «Наводит Бог, в гнев своем, иноплеменников на землю, и тогда, в горе, люди вспоминают о Боге... Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит Бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покаялись, ибо Бог велит нам жить в покаянии»¹⁶³.

Книжник считает должным сослаться на тексты Священного Писания, чтобы показать, каким именно образом можно заслужить прощение: «дивно оружие молитва и постъ; и паки: милостыни совкупила с постомъ, от смерти избавляета человека»¹⁶⁴. В первом случае приводятся слова молитвы в понедельник второй седмицы Великого поста. В эту неделю все, кто постится и кается, получает прощение грехов. Вторая часть слов сходна с цитатой из книги Товита: «Доброе дело – молитва с постом, милостынею и справедливостью. Лучше малое со справедливостью, нежели многое с неправдою; лучше творить милостыню, нежели собирать золото, ибо милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех. Творящие милостыни и дела правды будут долгоденствовать»¹⁶⁵. Следовательно, летописец призывал русских людей к покаянию, соблюдению Поста и вообще следованию христианским заповедям, чтобы очиститься от грехов.

Дальше новгородский книжник ссылается на слова пророка Исайи: «и паки помянемъ Исаия пророка, глаголюща, аще хотите послушати мене, благая земная снесите; аще ли не хотите, ни послушаете мене, оружие вы поясть, и тако поженеть един 100 васъ, а от ста побегнет 1000 васъ»¹⁶⁶. В первой части приводимых слов Исайи можно увидеть прямую цитату из книги пророка Исайи: «Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас:

¹⁶³ Повесть временных лет // БЛДР. Т. 1. С. 296.

¹⁶⁴ НПЛ. С. 86–87.

¹⁶⁵ Тов. 12: 8–9.

¹⁶⁶ НПЛ. С. 87.

ибо уста Господни говорят»¹⁶⁷. Вторая часть слов, приписываемых пророку Исае, вполне обоснованно может быть отнесена к цитате, взятой из книги Левит: «пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму, и падут враги ваши пред вами от меча»¹⁶⁸.

Таким образом, летописец подводил читателей к мысли о том, что Бог придет на помощь грешникам только при их искреннем и деятельном покаянии. Другой важный вывод этих строк заключался в возможности получить прощение от всякого, даже самого тяжелого греха. В противном случае грешников ждало быстрое и неминуемое поражение.

Русские люди покались и были прощены. Теперь, когда на их стороне Бог, русское войско одерживает заслуженную победу над тяжело согрешившими ранее ливонцами. Русские воины нещадно избивают их по трем путям на протяжении семи верст, что даже кони не могут скакать по телам погибших. Все идет так, как и должно было идти изначально.

Отдельно можно отметить использованное выражение летописца «въ 3 пути, на семи версть». По-видимому, это пример устойчивого выражения, которое могло иметь аналогии с библейским. Во Второзаконии содержится следующее: «Поразит пред тобою Господь врагов твоих, восстающих на тебя; одним путем они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя»¹⁶⁹. И там же: «Предаст тебя Господь на поражение врагам твоим; одним путем выступишь против них, а семью путями побежишь от них; и будешь рассеян по всем царствам земли»¹⁷⁰. Новгородский книжник специально использовал это выражение в качестве гиперболы: оно усиливало выразительность его мысли и служило дополнительным указанием на полную победу русского войска¹⁷¹.

¹⁶⁷ Ис. 1: 19–20.

¹⁶⁸ Л. 26: 8.

¹⁶⁹ Вт. 28: 7.

¹⁷⁰ Вт. 28: 25.

¹⁷¹ Еще одним доказательством того, что это не реальное расстояние, на протяжении которого русское войско поражало бежавшего врага, является использование такого же выражения в статье новгородского летописца при описании Ледового побоища.

Объяснение кажется не полным, если не обратить внимание на числа 3 и 7 неоднократно появляющиеся в этом летописном рассказе. Обратившись к символике библейских чисел, можно узнать, что число 7 – «второе число полноты, духовного совершенства, число завета, печати Божьей»¹⁷². Следовательно, используя его в своем сообщении, летописец еще раз продемонстрировал, что новгородцы одержали победу над ливонцами только благодаря Господу.

В летописном рассказе о Раковорской битве число 3 встречается намного чаще числа 7: русское войско вступило в Виронию и дальше двигалось по трем путям; отряд Дмитрия Александровича стоял три дня, прежде чем смог захватить пещеру, в которой укрылись эсты; русское войско преследовало ливонцев семь верст по трем путям; русское войско стояло три дня на поле боя и затем вернулось в Новгород.

Д.Г. Хрусталеv отмечал практику заключения мирных договоров у ливонцев на три года¹⁷³. Надо полагать, что символика числа 3 была настолько значительной в христианском мире, что из нечто символического, служащего иносказательным указанием на страницах источников, оно переходило в реальную практику. В библии это число традиционно обозначало «первое число полноты, законченное, совершенное число»¹⁷⁴. Иначе говоря, всем действиям, отмеченным числом 3, придавалась дополнительная окраска основательности и законченности. Это число также говорило о том, что действие, связанное с ним, действительно должно завершиться¹⁷⁵. Так русская рать разбрелась по Виронии тремя путями, чтобы действительно «многое множество воевать эстов»; отряд Дмитрия Александровича ждал три дня, чтобы в конечном итоге захватить пещеру;

Новгородцы во главе с Александром Ярославичем «гоняче [ливонцев – Р.Г.], биша ихъ на 7-ми верстъ по леду до Суболичьскаго берега». См.: НПЛ. С. 78.

¹⁷² Стюарт М.Д. Удивительное значение чисел и цветов в текстах Священных Писаний. М., 2001. С. 9.

¹⁷³ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 1. С. 86, 315–316.

¹⁷⁴ Стюарт М.Д. Указ. соч. С. 9.

¹⁷⁵ Там же. С. 16–17.

русские силы преследовали ливонцев по трем путям, что показывало, насколько решительной была их победа; русское войско оставалось на поле боя три дня, что было еще одним указанием их победы.

Таким образом, центральной темой повествования летописного рассказа о Раковорской битве в Новгородской первой летописи являлось Божье наказание за грехопадение русских людей. Летописец, цитируя «Поучение о казнях Божьих», видел в произошедших в ходе Раковорской битвы событиях сходный пример с событиями 1068 г.

На основании использования библейской символики чисел можно попытаться дать объяснение литературному обороту на страницах ЛРХ, который появлялся как в описании Ледового побоища, так и Раковорской битвы: «Господь помог в тот раз победить: ведь каждый немец должен был сражаться против шестидесяти русских. Это правда. Знаю я это наверняка»¹⁷⁶. Указание на соотношение 1:60, возможно, стоит искать в символике числа 6. Оно обозначало не только число зверя, но и человека. Более важным является тот факт, что именно этим числом отмечены три явных врага Бога, два из которых – Голиаф и Навуходоносор¹⁷⁷. Таким образом, можно полагать, что данный прием использовался также в качестве гиперболы, что должно было подчеркнуть мужество ливонских рыцарей, сражавшихся против численно превосходящего врага. Более того, хронист иносказательно изображал, что ливонские рыцари сражались с врагами Бога. Недаром хронист считал, что «сам Господь хотел наказать их [русских – Р.Г.] за огромное их вероломство»¹⁷⁸.

Другим интересным для герменевтического анализа является текст о Раковорской битве Никоновской летописи. Эта летопись была написана под руководством митрополита Даниила Рязанца, а значит человеком очень сведущим в Священном Писании. В отношении источников о Раковорской

¹⁷⁶ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 234, 249.

¹⁷⁷ Стюарт М.Д. Указ. соч. С. 29.

¹⁷⁸ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 247.

битве переписчик Никоновской летописи мог быть разочарован: в его руках был текст, вероятно, Новгородской пятой летописи, схожей с Новгородской Карамзинской и Новгородской четвертой летописью. Их особенность – грубое сокращение и удаление из текста всех фраз, отсылающих к Священному Писанию. Вероятно, это послужило главной причиной, почему переписчик решил переработать оригинальные сведения и представить несколько другое описание Раковорской битвы.

Первое изменение коснулось метафоричного сравнения численности ливонского войска с лесом. В Никоновской летописи переписчик сознательно сравнивает число ливонских воинов с песком, считая такое сравнение более корректным: «и ту сретиша ихъ полки Немецкиа во множестве силе, яко песокъ: вся бо земля Немецкаа събралася»¹⁷⁹. По-видимому, к такому действию переписчика подтолкнули слова из известной библейской книги Иисуса Навина: «И выступили они и все ополчение их с ними, многочисленный народ, который множеством равнялся песку на берегу морском; и коней и колесниц было весьма много. И собрались все цари сии, и пришли и расположились станом вместе при водах Меромских, чтобы сразиться с Израилем»¹⁸⁰. В этой цитате есть и другая интересная деталь – враги уже ждали израильтян у Меромских вод, как ливонцы ждали русское войско у реки Койла. Такая схожесть деталей, возможно, натолкнула переписчика к изменению оригинальной метафоры.

Если переписчик действительно использовал цитату из книги Иисуса Навина, то предполагаемые читатели знали, что богоизбранный израильский народ одержал победу в том сражении. В таком случае верующие в Христа русские люди как богоизбранный народ, также должны были одержать победу над ливонцами. Однако во время битвы русское войско начало нести большие потери. Увидев это, русские князья взмолились Господу, прося его о помощи, так как «уже бо въ конецъ изнемогоша, и бе страхъ и трепеть велий

¹⁷⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 146.

¹⁸⁰ Ис. Н. 11: 4–5.

на всехъ»¹⁸¹. О том, почему русских людей одолели изнеможение, страх и трепет, писал новгородский летописец в статье 1238 г.: «Но уже бѣше божию гневу не противитися, яко речено бысть древле Исусу Наугину богомъ; егда веде я на землю обетованную, тогда рече: азъ пошлю на ня преже васъ недоумение, и грозу, и страхъ, и трепет. Такоже и преже сихъ отъя господь у насъ силу, а недоумение, и грозу, и страхъ, и трепеть вложи в нас за грехы наша»¹⁸². Таким образом, изнеможение, страх и трепет было Божьим наказанием за грехи русских людей. Но, поскольку князья обратились за помощью к Господу, Бог простил русских людей, и внезапно «побегоша Немцы никим же гоними, точью гневомъ Божиимъ»¹⁸³. Вне всяких сомнений, летописец, описывая битву, использовал известную цитату из книги Левит: «Оставшимся из вас пошлю в сердца робость в земле врагов их, и шум колеблющегося листа погонит их, и побегут, как от меча, и падут, когда никто не преследует, и споткнутся друг на друга, как от меча, между тем как никто не преследует, и не будет у вас силы противостоятъ врагам вашим»¹⁸⁴. Видимо, летописец хотел показать, что грешное русское войско не могло сражаться в одиночку, его ждало неминуемое поражение. Действительно, как только Бог заступился за русских людей, он сам единолично разгромил их врагов. Налицо некоторое противопоставление, специально сделанное летописцем – русские воины были одержимы великим страхом, и они должны были бежать «никим гоними», но Господь прощает их, и теперь ливонцы бегут «никим гоними». Пожалуй, Божественное вмешательство в ход Раковорской битвы достигает своего апогея именно в тексте Никоновской летописи.

Итак, герменевтический анализ показывает, что летописец описывал и осмысливал события 1268 г. в свете Священного Писания. Большие потери русского войска в Раковорской битве связывались с их греховностью перед

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 146.

¹⁸² НПЛ. С. 75.

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 10. С. 146–147.

¹⁸⁴ Л. 26: 36–37.

Богом. Особый упор делался на тот факт, что победу в кровопролитной битве русское войско одержало лишь с Божьей помощью. Видимо, столь резкий переход от кажущегося поражения (описание гибели многих людей) к полному разгрому ливонцев и их преследованию было композиционным приемом изложения книжника. В этой связи первостепенное внимание придавалось не описанию хода битвы, сколько его объяснению с позиции провиденциализма.

ГЛАВА 3. НАПАДЕНИЯ ЛИВОНЦЕВ НА ПСКОВ В 1268 И 1299 ГОДАХ

3.1. Нападение ливонцев на Псков в 1268 году и урегулирование конфликта

После неудачно проведенной зимней кампании, закончившейся кровопролитной Раковорской битвой, инициатива перешла в руки ливонцев. К лету 1268 года они собрали большое войско и вторглись в пределы Псковской земли.

Самые ранние известия о событиях продолжающегося русско-ливонского конфликта сохранились в Новгородской первой летописи старшего извода, Старшей Ливонской Рифмованной хронике и Повести о Довмонте, находящейся в составе Псковских первой, второй и третьей летописей.

Автор Новгородской первой летописи старшего извода писал о случившемся следующее: «Придоша Немци в силе велице подъ Пльсковъ в неделю Всех святыхъ, и приступиша к городу, и не успеха ничтоже, но большую рану въсприяша, и стояша 10 днии. Новгородци же съ княземъ Юрьемъ погонишася по нихъ, инии на конихъ, а инии в насадехъ поехаша вборзе; и яко уведаша Немци новгородьскыи полкъ, побегоша за реку. Новгородци же приехаша въ Пльсковъ, и взяша миръ чресь реку на всеи воли новгородьскои»¹⁸⁵.

Эти события были зафиксированы автором Ливонской Рифмованной хроники: «Магистр из-за невзгод в стране однажды лучших мужей созвал, с которыми он на совете решил в русские земли войной пойти. Мужики короля были этому рады. Так что к походу готовились по всей стране. И весь народ с собой позвали. Леттов, ливов, эстов немало в этом намерение их поддержало.

¹⁸⁵ НПЛ. С. 87.

Магистр войско братьев с собой привел, сколько смог он собрать. Всего сто восемьдесят их было. Все люди с радостью встретили их. Всего же в войске собралось восемнадцать тысяч воинов, на лошадях прискакавших. Многих коней покрыли попонами, как рыцари это обычно делали. Среди них моряки также были тысяч до девяти человек: это узнали, когда считать их стали. Когда подошли они к стране, которая Русью называлась, большое войско их разделили на несколько сильных отрядов. Впереди всех поскакал он [магистр] отважно в Русскую землю. Было слышно здесь и там о действиях разных быстрых отрядов. Тогда же Изборск был сожжен руками братьев. Этот замок русским принадлежал, о нем я уже прежде упоминал.

Войско братьев повернуло, чтобы Пскова достичь поскорее. К нему подошли они в боевом настроении. Русские этого не ожидали. Как только братья в страну вступили, тотчас же русские своими руками свой город сожгли до основания и отступили в тот же час в крепость хорошо укрепленную. Псковом тот замок зовется. Вокруг расстилалась прекрасная земля. Братья расположились около него. Русские укрепили ворота их замка, крепко построенного. Они настроены были мужественно, хотя и не были единомышленны. Все же остался непокоренным замок. К тем русским подошла подмога. Но серьезной помощи не смогли от них получить. С братьями сразиться они не решились. Помощь, о которой я говорил, была из Новгорода послана, чтобы помочь им крепость отстоять от незваных гостей. Среди них было много отчаянных людей, об этом я больше говорить не хочу. Погода была сырая и холодная, из-за этого штурм не начали. Ну, на совете с войском решили, что на кораблях многие воины уплывут. Войско братьев через реку переправилось, чему русские рады были. Один русский князь стремительно подошел, Юрием его звали. Послан он был от короля. Магистра он очень просил, чтобы тот к нему пришел и слова его выслушал. Магистр согласился. На корабль тотчас он поднялся, со всеми его людьми, с братьями и пилигримами в стрельбе искусными. За реку он отправился. Когда на другом берегу оказался, там Юрий Магистра встретил, и мир хороший они

заклучили, русских обрадовавший. Как только мир установили, магистр и его свита вновь на корабль поднялись. О мире магистр сообщил всем воинам своим. Тотчас коней они оседлали и домой поскакали. Так закончился этот поход»¹⁸⁶.

Свое видение событий имел псковский автор Повести о Довмонте: «И Довмонт, пройдя земли непроходимые, пошел на вируян, и завоевал землю их до моря, и Поморье разорил, и возвратился обратно, и пополнил землю свою множеством пленных. И прославилась земля их во всех странах, уstraшенных грозою храбрости великого князя Дмитрия, и зятя его Довмонта, и мужей их — новгородцев и псковичей.

И через несколько дней собрались оставшиеся в живых поганые латиняне и пришли тайно, и взяли несколько псковских сел по окраинам, и быстро возвратились вспять. Боголюбивый же князь Довмонт не потерпел обиды земле и дому Святой Троицы от нападения поганых немцев, выехав в погоню с малою дружиною в пяти насадах с шестьюдесятью воинами-псковичами, Божьею силою восемьсот немцев победил на реке Мироповне, и два их насада скрылись на островах. Боголюбивый князь Довмонт, подъехав, зажег остров и одних пожег в траве, а другие побежали, и волосы их горели, а иных Довмонт посек, а иные потонули в воде помощью Святой Троицы, и славного великого воина Георгия, и молитвою благоверного князя Всеволода месяца апреля в двадцать третий день на память святого славного мученика Христова Георгия. И возвратились они с радостью великою во град Псков, и были радость и веселие во граде Пскове о заступничестве Святой Троицы и святого воина великого Христова мученика Георгия.

Прослышал магистр земли Рижской о мужестве Довмонта, собрал полки и силой страшною, безбожною пришел ко Пскову в кораблях, и в ладьях, и на конях, и с орудиями стенобитными, намереваясь пленить дом Святой Троицы и князя Довмонта схватить, а мужей-псковичей мечами посечь, а остальных людей псковских в плен увести. Услышав о том, что

¹⁸⁶ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 250–252.

ополчилось на него множество сильных врагов без ума и без Бога, Довмонт вошел в церковь Святой Троицы и, положив меч свой пред алтарем Господним, пал на колени, долго молясь со слезами, говоря так: “Господи Боже сил, мы, люди твои и овцы пажити твоей, имя твое призываем, смилуйся над кроткими, и смиренных возвысь, и надменные мысли гордых смири, да не опустеет пажить овец твоих”. И взял игумен Сидор и все священники мечи, препоясав Довмонта мечом и благословив его, отпустили. Довмонт же в ярости мужества своего, не дождавшись полков новгородских, с малою дружиною мужей-псковичей выехав, Божьего силою победил и побил полки врагов, самого же магистра ранил в лицо. Те же, положив трупы убитых во многие учаны, повезли их в землю свою, а оставшиеся в живых обратились в бегство месяца июня в восьмой день, на память перенесения мощей святого мученика Федора Стратилата»¹⁸⁷.

Согласно источниковым данным, после Раковорской битвы не все русское войско сразу вернулось домой. Перед своим возвращением отряд псковичей с князем Довмонтом совершил успешный грабительский набег в Поморье, т.е., по всей видимости, в Западную Виронию, которая располагалась вдоль Финского залива, и только затем «со множеством полона» (пленных) отступил в свои земли.

Видимо, эта военная акция псковского князя озлобила ливонцев, дав им веский повод совершить ответное нападение на пограничные псковские села. Узнав об этом нападении, Довмонт действовал быстро – во главе своей дружины, насчитывавшей 60 человек, на 5 лодках он настиг ливонский отряд численностью 800 человек и разгромил их 23 апреля 1268 г. в бою на реке Мироповна.

Свою точку зрения касательно этих событий высказал Д.Г. Хрусталеv. По его мнению, поход Довмонта в Поморье был совершен еще во время второго похода к Раковору¹⁸⁸. Тогда русское войско было разделено на три

¹⁸⁷ Повесть о Довмонте // БЛДР. Т. 6. С. 61–62.

¹⁸⁸ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 170–171.

части, каждая из которых грабила вражескую территорию на пути к Раковору. Пока отряд новгородцев с князем Дмитрием Александровичем пытался захватить пещеру, в которой укрылись эсты со своим имуществом, другой (из трех), псковский отряд с князем Довмонтом совершил набег в Поморье. Такое рассуждение исследователя возможно, но недоказуемо. Действительно, странным выглядит тот факт, что после кровопролитной Раковорской битвы, где, согласно НПЛ, погибло множество псковичей, у Довмонта и псковичей хватило сил совершить дерзкий набег. С другой стороны, как указывает Повесть о Довмонте, этот набег послужил поводом для ответного нападения на псковские села оставшихся в живых ливонцев, т.е., по-видимому, выживших ливонских участников Раковорской битвы. В этой связи повествование Повести о Довмонте выглядит предпочтительнее.

После этих обоюдных незначительных набегов на Псковскую землю вторглось большое ливонское войско, которое возглавлял магистр Ливонского ордена Отто фон Лютерберг. Большинство предшествующих исследователей не задумывалось над правильной датировкой событий и вслед за Новгородской первой летописью относило летнюю осаду Пскова ливонцами к 1269, а не 1268 г. В предыдущей главе было уже высказано предположение о том, что летописец намеренно поместил описание осады Пскова лета 1268 г. под 1269 г., чтобы дать целостный рассказ о походах к Раковору и Раковорской битве. О правильности выбора 1268 г. в качестве даты летней осады Пскова указывает Д.Г. Хрусталеv. Доказательством служит послание ливонского магистра Отто фон Лютерберга гражданам Любека об успешном заключении мирного договора с русскими. Письмо было датировано вторым днем после Антипасхи. Заключенный с русскими мир состоялся не ранее окончания Раковорского похода, т.е. не ранее марта 1268 г. Достоверно известно, что магистр Отто погиб в сражении у Карузена 16 февраля 1270 г. Учитывая факт осады ливонцами Пскова именно летом, в

таком случае письмо следует датировать 1269 г., в котором второй день Антипасхи был 1 апреля¹⁸⁹.

Выбор псковских земель в качестве объекта ливонского нападения было обусловлено тем, что Псков был ближайшим соседом ливонцев, в отличие от куда более далекого Новгорода. Согласно Ливонской хронике, ливонская армия насчитывала 18 тысяч человек и состояла из 180 рыцарей Ордена, вассалов датского короля, воинов Дерптского епископства, союзных Ордену отрядов ливов, леттов (латгалов) и эстов. Такое указание на численность ливонского войска не находит аналогов в источниках: без сомнения, это была самая большая армия, собранная ливонцами, в истории русско-ливонских конфликтов XIII века.

Большая ливонская армия разделилась на группы в точности так же, как поступило русское войско при вступлении в Восточную Виронию зимой 1268 г., и принялась заниматься грабежом и разорением псковских сел и деревень. Во время движения к Пскову ливонцы смогли захватить Изборск – псковскую крепость, которая находилась на самой границе Псковской земли. При подходе ливонцев к Пскову его жители сами сожгли посад города и укрылись в кремле.

Псковский источник об этих событиях – Повесть о Довмонте – говорил о том, что Довмонт, помолившись в церкви Святой Троицы, выступил с небольшими силами и в одиночку смог одолеть ливонцев, что, конечно, не является правдой. Еще при описании похода Довмонта в Поморье отчетливо прослеживается желание псковского книжника описывать происходящее, уподобляя действия Довмонта действиям Александра Невского. В Повести о Довмонте есть определенные текстуальные параллели с Особой редакцией Жития Александра Невского: поход Довмонта в Поморье сходен с походом Александра Невского на Емь, нападение ливонцев на Псков в 1268 г. сходно со шведским нападением 1240 г. Тем не менее можно согласиться с Д.Г. Хрусталевым в том, что битва Довмонта с ливонцами под Псковом, четко

¹⁸⁹ Хрусталев Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 135–136.

датированная 8 июня 1268 г., была обычной успешной вылазкой с целью подорвать силы врага, а не полноценным сражением¹⁹⁰.

Куда более реалистичными выглядят факты НПЛ и ЛРХ. Новгородский книжник уверял, что ливонцы пришли под Псков в Неделю всех святых и стояли под городом 10 дней, что по расчетам Д.Г. Хрусталева приходится на период с 3 по 13 июня в 1268 г¹⁹¹. В этой связи бой Довмонта с ливонцами, датированный псковским источником 8 июня, согласуется с данными Новгородской первой летописи и служит еще одним доказательством в пользу правильности выбора 1268 года в качестве даты ливонского нападения на Псков.

Согласно НПЛ, новгородцы с князем Юрием Андреевичем, узнав об осаде Пскова ливонцами, немедленно собрали войско, чтобы помочь осажденным псковичам. Несмотря на большую численность своей армии, ливонцы при виде новгородцев не решились на сражение, отступили за реку Великая и заключили мирный договор «по новгородской воле». По словам ливонского хрониста, главной причиной отказа от штурма псковской крепости была плохая погода, а не пришедшие на помощь новгородцы. Заключение мира в Ливонской хронике также показано по-своему: с инициативой заключения мира выступила русская сторона в лице князя Юрия Андреевича, посланного от короля, т.е., вероятно, от великого князя Ярослава Ярославича.

Такие обстоятельства заключения мира свидетельствуют о том, что целью летнего вторжения большого ливонского войска было разорение и разграбление вражеской территории, а не захват Пскова. Это была мстительная акция за вторжение и разорение русским войском Восточной Виронии зимой 1268 г. Если бы магистр Ордена действительно желал покорения Пскова, вряд ли бы он приказал отступить от города так быстро

¹⁹⁰ Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 178.

¹⁹¹ Там же. С. 186.

из-за плохой погоды или пришедших новгородцев, имея на руках столь сильную армию.

Наряду с военными магистр Ордена предпринял и экономические меры давления на противника. Еще до осады Пскова Отто фон Лютерберг организовал торговую блокаду Новгорода. По мнению А.Л. Хорошкевич, Орден придавал большое значение любекско-новгородским связям. Сам Любек не был заинтересован в прекращении торговли с Новгородом. Он был вынужден подписать такое соглашение с Орденом, скорее всего, из-за давления датчан, т.к. Дания контролировала морские торговые пути к Новгороду¹⁹². В этой связи важное значение имеет послание вице-магистра Ордена Конрада фон Мандерена от 30 мая 1268 г., в котором констатировалось согласие Любека не торговать с Новгородом, пока не будет заключен мир между Новгородом и Орденом. Важным пунктом заключенного договора было согласие Любека прекращать торговлю с Новгородом при возникновении новых крупных новгородско-ливонских конфликтов¹⁹³.

Следующим значимым документом является послание магистра Ливонского ордена Отто фон Лютенберга горожанам и купцам Любека, которое можно датировать, исходя из его содержания, летом 1268 г. В письме шла речь о мире, заключенном с новгородцами после отказа магистра атаковать псковский кремль. В письме говорилось, что Орден заключил мир с Новгородом на тех же условиях, «что и во времена магистра Волквина и епископа Альберта». Таким образом, ливонцы подтверждали мирный договор 1224 г., по которому они отказывались от претензий на земли к востоку от линии р. Нарва – Чудское и Псковское озера. Магистр просил прислать послов от Любека, чтобы они утвердили заключенный мирный договор между Орденом и Новгородом. Орден также становился гарантом

¹⁹² Хорошкевич А.Л. Из истории русско-немецких отношений XIII в. // Исторические записки. Т. 78. С. 228–229.

¹⁹³ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 280–281.

соблюдения торгового договора между Любеком и Новгородом. До утверждения мирного договора любекскими послами, Любек не мог возобновить торговлю с Новгородом¹⁹⁴.

Русский источник – Новгородская первая летопись – отчетливо демонстрировал, что заключенный летом 1268 г. мир был неокончательным: «Того же лета приеха князь Ярославъ в Новьгородъ, и нача жалити: “мужи мои и братья моя и ваша побита; а вы розъратилися с Немци”, на Жирослава Давыдовича и на Михаила Мишинича и на Юрья Сбыславича, хотя ихъ лишити волости. Новгородци же сташа за них; князь же хоте из города ехати. Новгородци же кланяхуся ему: “княже, темъ гнева отдаи, а от нас не ездн”; еще бо не добре ся бяху умирили с Немци. И послаша владыку с вятшими мужи с молбою, и въспятиша и с Броньници»¹⁹⁵. Согласно НПЛ, прибывший в Новгород великий князь Ярослав Ярославич был недоволен действиями новгородцев и хотел покарать виновных в неудачной войне против ливонцев, но новгородцы не допустили этого. Тогда великий князь хотел покинуть Новгород, но жители города просили его остаться, поскольку окончательный мирный договор с ливонцами еще не был заключен. В.Л. Янин считал, что князь Ярослав Ярославич сожалел о потерянных людях и осуждал внешнеполитическую агрессию Новгорода¹⁹⁶. Д.Г. Хрусталеv правильно подметил, что сам великий князь активно участвовал в организации второго похода к Раковору. Поэтому Ярослав, скорее всего, сожалел о напрасно погибших воинах, поскольку новгородцы не продолжили поход после Раковорской битвы¹⁹⁷. К тому же великий князь решил организовать новый большой поход направленный уже не к Раковору, а Ревелю – столице владений датчан в Прибалтике. С этой целью великий князь активно собирал полки, а также привлек к участию монголов во главе с баскаком Амраганом: «Тогда же даша тысячьское Ратибору Клуковичю по

¹⁹⁴ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 283–284.

¹⁹⁵ НПЛ. С. 87–88.

¹⁹⁶ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 154–155.

¹⁹⁷ Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 186.

княжи воли. Того же лета, на зиму, князь Ярославъ с новгородци сдумавъ, посла на Низовьскую землю Святъслава полковъ копить, и совкупи всех князии и полку бецисла, и приде в Новъгородъ; и бяше ту баскакъ великъ володимирьскый, именем Амраганъ, и хотеша ити къ Колываню»¹⁹⁸.

По всей видимости, затягивание подписания окончательного мирного договора и продолжение торговой блокады подтолкнуло новгородцев согласиться с организацией нового похода зимой 1268–1269 гг. Угроза нового военного вторжения испугала ливонских руководителей и привела к подписанию окончательного мирного договора: «И уведавше Немци, прислаша послы с молбою: “кланяемся на всеи воли вашей, Норовы всеи отступаемся, а крови не проливайте”; и тако новгородци, гадавшие, взяша миръ на всеи воли своеи. Князь же хоте ити на Корелу, и умолиша и новгородци не ити на Корелу; князь же отсла полкы назадъ»¹⁹⁹. Примечательно, что новгородцы поддерживали мероприятие великого князя до тех пор, пока им не была предложена возможность заключить долговременный мирный договор. Под угрозой нападения ливонцы утвердили не только установления русско-ливонской границы по р. Нарве, но и, по всей видимости, торговый договор между Новгородом и Любеком. Это подтверждает сохранившийся текст письма магистра Отто фон Лютенберга горожанам Любека от 1 апреля 1269 г., в котором говорилось об удачно завершившихся переговорах с русскими²⁰⁰.

Таким образом, неудачно закончившийся русский поход к Раковору позволил подошедшим свежим силам ливонцев напасть на земли Псковской республики. Наряду с военным наступлением Орден предпринял экономическую блокаду своего извечного соперника и главного псковского союзника – Новгорода. Летняя осада Пскова ливонцами быстро прекратилась при подходе к городу новгородского войска. В свою очередь это позволяет

¹⁹⁸ НПЛ. С. 88.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы... Т. 2. С. 135–136.

сделать вывод, что первостепенной целью ливонцев был не захват Пскова, а грабеж и разорение окрестной территории. Заключенный мир между Новгородом и Орденом не был окончательным. Затягивание мирных переговоров и торговой блокады привело к тому, что зимой 1268–1269 гг. в Новгороде стал готовиться новый масштабный поход к Ревелю – главному городу датчан в Прибалтике. Под угрозой вторжения ливонцы согласились заключить долгожданный для новгородцев мирный договор, согласно которому граница между русскими вечевыми республиками и Ливонией устанавливалась по реке Нарва. Выходит, что вновь подтверждались границы между государствами, установленные еще в 1224 г. Для Новгорода это было уже не так существенно, как важность возобновления торговли с Любеком. Таким образом, мирный договор 1269 г. подвел итоги самого крупного русско-ливонского конфликта 1267–1269 гг. и надолго закрепил границы между Новгородом и Ливонией.

3.2. Нападение ливонцев на Псков в 1299 году

С момента заключения мирного договора в 1269 г. и вплоть до конца XIII века на русско-ливонской границе установился мир. Ливонский орден был занят войнами с литовцами и семигаллами. Внешние отношения Новгорода и Пскова плохо прослеживаются в источниках того времени. Новгородская первая летопись старшего извода и Псковские первая, вторая и третья летописи имеют пропуски летописных статей в период 1272–1299 гг. Только под 1299 г. появляется информация о новом нападении ливонцев на Псков.

Самый ранний источник, сохранивший данные о ливонском нападении, представлен Повестью о Довмонте, находящейся в составе Псковских летописей. Новгородская первая летопись старшего извода приводит информацию только о смерти князя Довмонта, пропуская сведения о нападении на Псков. Более поздняя по времени написания Новгородская

первая летопись младшего извода кратко приводит информацию Повести о Довмонте.

Согласно Повести, «в ту же зиму за грехи наши ворвались немцы легкими отрядами в предместья Пскова в год 6807 (1299) 4 марта, на память святого мученика Павла и Ульяны, и перебили игуменов. Тогда был убит Василий, игумен святого Спаса, пресвитер Иосиф, Иоасаф, игумен святой Богородицы на Снетной горе, и с ними семнадцать монахов, и чернецов, и черниц, и убогих, и женщин, и малых детей, а мужей Бог сохранил. Наутро поганые немцы обступили город Псков, собираясь его захватить. Боголюбивый же князь Тимофей в нетерпении не дождался своего основного войска и выехал с малою дружиною мужей-псковичей и с Иваном Дорогомиловичем и его дружиною и приготовился к битве. С помощью Святой Троицы ударил по ним Довмонт у святых Петра и Павла на берегу; и была сеча жестокая, какой никогда не бывало у Пскова, и самого командора ранили в голову, а вельневичан, взяв в плен, послали к великому князю Андрею, а остальные вскоре бросили оружие и побежали, страшась грозы храбрости Довмонта и его мужей-псковичей»²⁰¹.

Итак, 4 марта 1299 г. ливонцы неожиданно появились в окрестностях Пскова, где грабили и убивали беззащитных людей. На следующий день они осадили город. Князь Довмонт и некий Иван Дорогомилович со своими дружинами и псковским ополчением дали бой ливонцам на берегу реки Псковы у церкви Петра и Павла. В этой схватке ливонцы, в составе которых были ливонские рыцари, потерпели поражение. Пленных ливонских рыцарей псковичи отправили великому князю Андрею Александровичу.

Исследователи приводят разные мнения по поводу личности Ивана Дорогомиловича. В.И. Охотникова полагала, что он мог быть новгородским посадником²⁰². И.Н. Данилевский указывал еще две версии, согласно которым Иван Дорогомилович являлся псковским посадником или

²⁰¹ Повесть о Довмонте // БЛДР. Т. 6. С. 62.

²⁰² Там же. С. 59.

воеводой²⁰³. Последняя версия кажется наиболее вероятной. Сомнительно, что Иван Дорогомилович являлся новгородским посадником, поскольку в таком случае неясно, почему автор Новгородской первой летописи старшего извода пропустил информацию о бое с ливонцами, непосредственное участие в котором принимал новгородский посадник. Сам автор Повести акцентировал внимание на том, что победа в бою была одержана силами исключительно псковичей. Поэтому надо полагать, что Иван Дорогомилович мог являться либо псковским воеводой, либо посадником одного из подчиненных Пскову городов.

Автор Повести отдельно выделял среди напавших ливонцев рыцарей Ливонского ордена, которые в тексте именуются «велневичами». Исследователи справедливо указывают, что это слово восходит к названию орденской крепости Феллин (Вильянди)²⁰⁴. Возможно, псковский автор хотел не столько показать откуда пришли ливонские рыцари, сколько выделить их из общей массы «немцев».

Участие в бою у церкви Петра и Павла ливонских рыцарей сподвигло псковского книжника на использование литературных аллюзий. Кажется невероятным, чтобы княживший только в Пскове 33 года престарелый Довмонт смог не только нанести ранение по голове командору Ливонского ордена, но и принимать в бою активное участие. Выходит, книжник вновь, согласно требованиям житийного жанра, проводил параллель не только между князем Довмонтом и князем Александром Невским, но и между действиями самого Довмонта в марте 1299 г. и летом 1268 г.

В целом нападение ливонцев на Псков в 1299 г. выглядит очередным грабительским набегом с той лишь разницей, что в данном мероприятии принимали участие ливонские рыцари. Силы сторон вряд ли были большими,

²⁰³ Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 2. М., 2010. С. 388–389.

²⁰⁴ Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 2. С. 389; Повесть о Довмонте // БЛДР. Т. 6. С. 60.

что подтверждают сведения Повести о скоротечности осады и победе над ливонцами силами двух дружин и быстро собранного псковского ополчения.

Но действительно ливонцы напали на Псков без веской причины? Оказывается, еще дореволюционный историк Н.И. Костомаров писал, что нападение ливонцев на Псков в марте 1299 г. было вызвано походом псковичей на Дерптское епископство в начале 1299 г. Сохранилось послание, в котором дерптский епископ жаловался на то, что русские огнем и мечом опустошили значительную часть его владений²⁰⁵. Вероятно, это и стало причиной не только для ответного вторжения ливонцев на псковские земли, но и для участия ливонских рыцарей. Вполне возможно, что упоминание в тексте Повести Ивана Дорогомиловича, принимавшего участие в отражении ливонского нападения, было связано с тем, что именно он возглавлял псковский набег на Дерптское епископство зимой 1299 г.

Бой у церкви Петра и Павла 5 марта 1299 г. был последним военным успехом князя Довмонта. Согласно Повести, 20 мая 1299 г. псковский князь литовского происхождения, правивший с 1266 по 1299 гг., умер: «И потом занемог благоверный князь Тимофей и в болезни отошел к Богу в жизнь вечную месяца мая в двадцатый день, на память святого мученика Фалалея»²⁰⁶.

Таким образом, мартовское нападение ливонцев на Псков в 1299 г. было ответным действием на грабеж псковичами земель Дерптского епископства зимой 1299 г. Ливонцы, в составе которых находились рыцари Ливонского ордена, преследовали те же цели – грабеж и разорение псковских земель. В бою у церкви Петра и Павла князь Довмонт одержал свою последнюю победу над ливонцами, закончив свое тридцатитрехлетнее княжение в Пскове. Смерть Довмонта означало окончание исключительно успешного этапа в псковско-ливонских отношениях. Его правление было

²⁰⁵ Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 3. Т. 6, 7. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. С. 203.

²⁰⁶ Повесть о Довмонте // БЛДР. Т. 6. С. 63.

ознаменовано как успешными набегами псковичей в ливонские земли, так и рядом побед над ливонцами, которые неоднократно вторгались в пределы псковских владений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании было проведено целостное изучение отношений Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. Одним из главных достоинств исследования русско-ливонских отношений указанного периода была возможность использовать сразу несколько первоисточников – Новгородскую первую летопись старшего извода, Старшую Ливонскую Рифмованную хронику и Повесть о Довмонте, что позволило наиболее полно проанализировать изучаемые события и понять, как оценивали эти события авторы источников.

После Ледового побоища первое столкновение новгородцев и псковичей с ливонцами произошло в 1253 г. Ливонцы нарушили мирный договор и напали на Псков. Вопреки мнению большинства предшествующих исследователей, вряд ли в этом нападении участвовали ливонские рыцари. Скорее всего, главной силой ливонцев были воины пограничного с Псковом Дерптского епископства. Отступление ливонцев при слухе о подходе новгородского отряда говорит не только об их малочисленности и плохой организации, но и об их фактических целях – грабеж и разорение Пскова и его окрестностей. Результатом провальной военной акции Ливонии стали два успешных ответных грабительских похода: сначала новгородско-карельского, а затем псковско-новгородского. Такой ход событий заставил ливонских руководителей просить нового мира у русских республик.

Комментируя ливонское нападение на Псков в 1253 г., новгородский летописец полагал, что ливонцы поступили вероломно, первыми нарушили мирный договор, и поэтому полностью оправдывал успешные походы новгородцев и псковичей в ливонские земли, считая это справедливым наказанием.

В начале 60-х гг. XIII в. Ливонский орден потерпел сильное поражение от литовцев, что дало благоприятную возможность Новгороду самому

совершить нападение на ливонские земли. Этому всячески содействовал князь Александр Невский: он заключил союзный договор с литовским королем Миндовгом и отправил владими́ро-суздальские полки в помощь новгородцам. Объектом нападения крупного русского войска стал Дерпт – богатый торговый город, столица Дерптского епископства. В результате ливонский город был разорен и разграблен. Таким образом, благодаря действиям Александра Невского поход 1262 г. на Дерпт был удачен втройне: великий князь не допустил вмешательства владими́ро-суздальских полков в гражданскую войну в Монгольской империи; русское войско в составе новгородских и владими́ро-суздальских полков разорило и разграбило столицу извечного соперника Новгорода и Пскова. Успеху русского войска под стенами Дерпта был рад новгородский летописец, считая разорение ливонского города Божьим Судом над вероломно поступающими ливонцами.

Победные действия русских сил в 1253 и 1262 гг. дали Новгороду шанс вернуть под свое влияние Датскую Эстонию. Однако последовавшие два русских похода к Раковору – одному из центров датских владений – показали готовность ливонцев объединиться и не допустить потери своих земель. Закономерным итогом стала Раковорская битва 18 февраля 1268 г., которую можно рассматривать как самое крупное и кровопролитное сражение в истории русско-ливонских столкновений XIII–XIV веков. Она оказала большое значение на внешнюю политику Новгорода – несмотря на тяжелую победу, вече́вая республика отстранилась от дальнейших нападений на ливонские земли, заняв исключительно оборонительную позицию. С этого момента место активного воителя вместо Новгорода прочно занимает Псков.

В то же время герменевтический анализ Раковорской битвы показал, что летописец описывал и осмысливал события 1268 г. в свете Священного Писания. Большие потери русского войска в Раковорской битве связывались с их греховностью перед Богом. Особый упор делался на тот факт, что победу в кровопролитной битве русское войско одержало лишь с Божьей помощью.

Тем не менее достигнутая ценой больших потерь победа русского войска в Раковорской битве не означала окончание русско-ливонского конфликта. Более того, летом 1268 г. она позволила ливонцам собрать большую армию, в составе которой находилось 180 рыцарей во главе с магистром Ливонского ордена, и напасть на земли Псковской республики. Наряду с военным наступлением Ливонский орден предпринял и экономическую блокаду главного псковского союзника – Новгорода. Летняя осада Пскова ливонцами быстро прекратилась при подходе к городу новгородского войска. В свою очередь это позволяет сделать вывод, что первостепенной целью ливонцев летом 1268 г. был не захват Пскова, а грабеж и разорение псковских владений. Затягивание мирных переговоров и торговой блокады привело к тому, что зимой 1268–1269 гг. Новгород стал готовиться к новому масштабному походу на Ревель – столицу датских владений в Прибалтике. Под угрозой вторжения ливонцы согласились заключить долгожданный для новгородцев мирный договор, согласно которому граница между русскими вечевыми республиками и Ливонией устанавливалась по реке Нарва. Таким образом, мирный договор 1269 г. подвел итоги самого крупного русско-ливонского конфликта 1267–1269 гг. и надолго закрепил границы между Новгородом и Ливонией.

Что касается Пскова, то он продолжал мелкую пограничную войну со своим соседом – Дерптским епископством. Нападение ливонцев на Псков в марте 1299 г. было ответной мерой на грабеж псковичами земель Дерптского епископства зимой 1299 г. Первоочередными целями вторгнувшихся ливонцев, в составе которых находились рыцари Ливонского ордена, были опять же грабеж и разорение псковских земель. Тем не менее в бою у церкви Петра и Павла ливонцы потерпели поражение от престарелого псковского князя Довмонта, для которого это была последняя победа. Смерть Довмонта означало окончание определенного этапа в псковско-ливонских отношениях. Его правление было ознаменовано как успешными набегами псковичей в

ливонские земли, так и рядом побед над ливонцами, неоднократно вторгавшимся в пределы псковских владений.

Анализ данных первоисточников позволяет сделать вывод, что главное внимание в отношениях Новгорода и Пскова с Ливонией во второй половине XIII в. уделялось военным столкновениям. Сложившийся в историографии тезис о постоянной угрозе завоевания Новгорода или Пскова со стороны Ливонского ордена является преувеличенным. Источниковые данные наглядно показывают, что Новгород и Псков вели в основном локальную пограничную войну с Ливонией, в ходе которой обе стороны преследовали сходные узкокорыстные цели – грабеж и разорение вражеских земель. В течение второй половины XIII в. только два русско-ливонских конфликта – 1262 и 1267–1269 гг. – можно назвать крупными, но и они кардинально не изменили границы государств, сложившиеся в Прибалтике в первой половине XIII века.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЛДР –	Библиотека литературы Древней Руси
ЛРХ –	Старшая Ливонская Рифмованная хроника
Н4 –	Новгородская четвертая летопись
НК –	Новгородская Карамзинская летопись
НПЛ –	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПСРЛ –	Полное собрание русских летописей
С1 –	Софийская первая летопись старшего извода

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Труды теоретико-методологического характера

1. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
2. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. и комм. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 486 с.
3. Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII веков) / При участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Алетейя, 2001. 759 с.
4. Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.
5. Ранчин А.М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2(4). С. 69–81.
6. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. / Отв. ред. И.Н. Данилевский. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
7. Рудаков В.Н. Ретроспективный компромат: взгляд из XVI века на князей-современников ордынского нашествия // Ретроспективная информация источников: образы и реальность. Сб. ст. / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2013. С. 150–164.
8. Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 124 с.

9. Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.
10. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.

Источники

1. Библия. Книги Священного писания Ветхаго и Новаго завета. СПб.: Синодальная типография, 1900. 1658 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. 543 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 6: XIV – середина XV века. СПб.: Наука, 1999. 583 с.
4. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М.: Российское библейское общество, 2005. 1338 с.
5. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Отв. ред. Б.Д. Греков, В.А. Быстрянский. М.; Л., 1938. 608 с.
6. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1949. 408 с.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова; Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1950. 580 с.
8. Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 2. Период ордынского владычества / Сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. 720 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. 2-е изд. Л.: Акад. наук СССР, 1928. С. 489–580.

10. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К, 1915. XXXI + 320 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская первая летопись старшего извода. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. VIII + 312 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1856. X + 346 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1885. V + 244 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с., разд. паг. (XII с., 186 стб., 29 с.; V с., 504 стб., 35 с.).
15. Полное собрание русских летописей. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К, 1889. VII + 320 стб. + 70 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. IV + 419 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 1. Книга Степенная царского родословия. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. VII + 342 с.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. V + 243 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Пг.: 2-ая Государственная типография, 1921. IV + 272 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века / Под ред. М.Н. Тихомирова. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1949. 464 с.

22. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1959. 415 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века / Отв. ред. А.Н. Насонов. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1962. 418 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1963. 413 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Наука, 1965. 241 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1968. 265 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. Л.: Наука, 1977. 251 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. 305 с.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. Л.: Наука, 1982. 228 с.
30. Полное собрание русских летописей. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского. М.: Наука, 1994. 208 с.
31. Полное собрание русских летописей. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.
32. Полное собрание русских летописей. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
33. Псковские летописи / Приготов. к печ. А.Н. Насонов; Отв. ред. Б.Д. Греков. Вып. 1. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1941. LXIII + 148 с.

34. Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова; Отв. ред. М.Н. Тихомиров. Вып. 2. М.: Акад. наук СССР, 1955. 365 с.
35. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста / Отв. ред. К.Н. Сербина. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1950. 516 с.
36. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига: Тип. А.И. Липинского, 1879. XXVI + 594 с.

Исследования

1. Акунов В.В. История Тевтонского ордена. М.: Вече, 2012. 320 с.
2. Артемьев А.Р. Ледовое побоище и битвы XIV – начала XV в. на Северо-Западе Руси // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 148–152.
3. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания / Подг. к печ. Н.Н. Улащик; Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Акад. наук СССР, 1963. 377 с.
4. Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 287 с.
5. Бохман Х. Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории / Пер. с нем. В.И. Матузовой. М.: Ладомир, 2004. 273 с.
6. Валеров А.В. Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб.: Алетейя, 2004. 315 с.
7. Губин Р.А. Раковорская битва глазами новгородского летописца второй половины XIII века // Медиевистика: новые имена: мат. II межрегиональной науч.-практ. конф. (27 октября 2015) / Отв. ред. А.Г. Еманов; Тюм. гос. ун-т. Тюмень: ИД «Титул», 2015. С. 78–84.
8. Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1: С древнейших времен до 1569 года / Науч. ред. Е.Л. Назарова; Пер. Г.И. Ефремова. М.: Фонд им. И.Д. Сытина VALTRUS, 2005. 670 с.
9. Данилевский И.Н. Александр Невский и Тевтонский орден // СЛОВО. РУ: Балтийский акцент. 2011. № 3–4. С. 105–111.

10. Данилевский И.Н. Верифицируемая информация о Ледовом побоище // В кн.: Региональные Чудские чтения. Сборник материалов 2010 года. Псков: АНО «Логос», 2011. С. 9–21.
11. Данилевский И.Н. Зарождение общественной мысли в Древней Руси: проблемы и перспективы изучения // В кн.: Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. М.: РОССПЭН, 2011. С. 112–128.
12. Данилевский И.Н. Исторические реконструкции: методологические ограничения // От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций. Сборник статей / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 3–24.
13. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., М.Ф. Румянцева. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.
14. Данилевский И.Н. Ледовое побоище: смена образа // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 28–40.
15. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 2001. 389 с.
16. Демурже А. Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в Средние века, XI–XVI вв. / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2008. 542 с.
17. Зиборов В.К. Русское летописание XI–XVIII веков: Учеб. пособ. / Отв. ред. В.В. Яковлев. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 512 с.
18. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. 2-е изд., испр. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 258 с.
19. Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.
20. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1966. 104 с.

21. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.
22. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987. 447 с.
23. Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 3. Т. 6, 7. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 500 с.
24. Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Под ред. Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 215 с.
25. Ледовое побоище. 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г.Н. Караев. М.; Л.: Наука, 1966. 255 с.
26. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1947. 479 с.
27. Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1985. Т. 40. С. 190–205.
28. Лурье Я.С. К изучению летописного жанра // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. А.М. Панченко. Л.: Наука, 1972. Т. 27: История жанров в русской литературе X–XVII вв. С. 76–93.
29. Лурье Я.С. К изучению летописной традиции об Александре Невском // Труды Отдела древнерусской литературы / Редколлегия: А.А. Алексеев, О.А. Белоброва, Д.М. Буланин, Н.В. Поньрко, М.А. Салмина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 387–399.
30. Лурье Я.С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 13–36.

31. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1976. 285 с.
32. Лурье Я.С. Холмогорская летопись // Труды Отдела древнерусской литературы / Ред. Д.С. Лихачев и М.А. Салмина. М.; Л.: Наука, 1970. Т. 25: Памятники русской литературы X–XVII вв. С. 135–149.
33. Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. 448 с.
34. Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. 296 с.
35. Муравьева Л.Л. Московское летописание второй половины XIV – начала XV века / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1991. 224 с.
36. Назарова Е.Л. Крестовые походы за р. Нарву в XIII в.: планы и их реализация // Метаморфозы истории: Альманах. Вена; Псков, 2002. Вып. 2. С. 21–42.
37. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. 557 с.
38. Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. М.: Университетская типография, 1893. 307 с.
39. Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб.: Типография Замысловскаго, 1873. 344 с.
40. Охотникова В.И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты. Т. 1. Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 576 с.
41. Очерки по истории СССР. Т. 3. Ч. 1. Древняя Русь. Феодальная раздробленность (IX–XIII вв.) / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.: Акад. наук СССР, 1953. 985 с.
42. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
43. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.: Госполитиздат, 1956. 280 с.

44. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М.: Акад. наук СССР, 1959. 532 с.
45. Пашуто В.Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 102–109.
46. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / Вступит. ст. А.Н. Фукса. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.
47. Подвигина Н.Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М.: Высшая школа, 1976. 152 с.
48. Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. / Подгот. к печати В.Г. Вовина; Отв. ред. Я.С. Лурье. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 326 с.
49. Прохазка Е.А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. Т. 42. С. 228–240.
50. Прохоров Г.М. Древнерусское летописание как жанр // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. О.В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 6–17.
51. Прохоров Г.М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 137–205.
52. Ранчин А.М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 576 с.

53. Ранчин А.М. О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3(49). С. 21–32.
54. Рудаков В.Н. Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1(47). С. 52–61.
55. Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М.: Моск. гос. ун-т, 1986. 176 с.
56. Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.
57. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 2. Т. 3–4. История России с древнейших времен / Отв. ред. И.Д. Ковальченко и С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1988. 765 с.
58. Стюарт М.Д. Удивительное значение чисел и цветов в текстах Священных Писаний. М., 2001. 54 с.
59. Татищев В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. (5-ти кн.). Т. 5, 6. История Российская. Репринт с изд. 1965–1966 гг. М.: Ладомир, 1996. 784 с.
60. Тихомиров М.Н. Русское летописание / Отв. ред. В.А. Александров. М.: Наука, 1979. 384 с.
61. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета под редакцией А.П. Лопухина. Ветхий Завет: в 5-ти т. Т. 1–5. М.: ДАРЪ, 2008. 1056, 1056, 960, 1168, 992 с.
62. Урбан У. Тевтонский Орден / Пер. с англ. П. Румянцева. М.: АСТ, 2010. 416 с.
63. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Вступ. ст. и общ. ред. А.Л. Хорошкевич и А.И. Плигузова. М.: Прогресс, 1989. 296 с.
64. Хорошкевич А.Л. Из истории русско-немецких отношений XIII в. // Исторические записки. Т. 78. М.: Наука, 1965. С. 219–232.
65. Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. Т. 1. СПб.: Евразия, 2009. 416 с.

66. Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. Т. 2. СПб.: Евразия, 2009. 464 с.
67. Чешихин Е.В. История Ливонии с древнейших времен. Т. 2. Рига: Типо-литография А.И. Липинскаго, 1885. 464 с.
68. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / Под ред. М.Д. Приселкова; Отв. ред. А.С. Орлов и Б.Д. Греков. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1938. 373 с.
69. Шумов С.А., Андреев А.Р. Тевтонский орден. Крах крестового нашествия на Русь. М.: Эксмо, 2005. 320 с.
70. Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории, в XIII и XIV столетиях. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1858. VIII + 228 с.
71. Юрганов А.Л., Данилевский И.Н. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. Человек в истории. Культурная история социального / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1998. С. 144–170.
72. Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1990. 384 с.
73. Янин В.Л. Новгородские посадники / Под ред. А.В. Арциховского. М.: Моск. гос. ун-т, 1962. 388 с.
74. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.
75. Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century // East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 29. Leiden, Boston: Brill, 2015. XII, 386 p.

Справочные издания

1. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.: Наука, 1975–2008. 375, 323, 291, 406, 395, 363, 407, 335, 363, 331, 458, 386, 322, 314, 290, 298, 298, 290, 274, 290, 289, 306, 258, 257, 282, 285, 279 с, 303 с.